

ТЕРРИ БРУКС

ПРИНЦЕССА ЗАЗЕМЕЛЬЯ

Автор бестселлеров сериала SHANNARA

Хроники Заземелья

Терри Брукс

Принцесса Заземелья

«Центрполиграф»

Брукс Т.

Принцесса Заземелья / Т. Брукс — «Центрполиграф»,
— (Хроники Заземелья)

Принцесса Мистая, исключенная из Кэррингтонской школы, возвращается в Заземелье для того, чтобы продолжить изучение магии. В поисках своего предназначения девушка отправляется в длинное и опасное путешествие по волшебной стране. Волею случая она попадает в разрушенную королевскую библиотеку. Древний замок скрывает множество тайн: книги с заклинаниями пропадают со стеллажей, в темных коридорах слышен тихий голос, молящий о помощи, из стены льется магическое свечение. Мистая понимает, что в сердце библиотеки прячется великое зло и оно скоро вырвется на свободу. Теперь у принцессы нет выбора: она должна в одиночку одолеть могущественных врагов и спасти друзей. Новый роман Терри Брукса продолжает цикл о волшебном государстве Заземелье. Подробная предыстория, изложенная в двух первых главах, позволяет получить представление обо всем, что происходило с героями в предыдущих книгах.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Терри Брукс Принцесса Заземелья

Она сидела и размышляла, не встать ли ей и не нарвать ли цветов для венка; мысли ее текли медленно и несвязно – от жары ее клонило в сон. Конечно, сплести венок было бы очень приятно, но стоит ли ради этого подыматься?

Вдруг мимо пробежал белый кролик с красными глазами.

Конечно, ничего удивительного в этом не было. Правда, Кролик на бегу говорил:

– Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю.

Но и это не показалось Алисе особенно странным. (Вспоминая об этом позже, она подумала, что ей следовало бы удивиться, однако в тот миг все казалось ей вполне естественным.) Но когда Кролик вдруг вынул часы из жилетного кармана и, взглянув на них, помчался дальше, Алиса вскочила на ноги. Ее тут осенило: ведь никогда раньше она не видела кролика с часами, да еще с жилетным карманом в придачу! Сгорая от любопытства, она побежала за ним по полю и только-только успела заметить, что он юркнул в нору под изгородью.

В тот же миг Алиса юркнула за ним следом, не думая о том, как же она будет выбираться обратно.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес!

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Шоңу Спикмену, за оказанные услуги опытного сетевого шамана, а также за неоценимую дружбу

Глава 1

ВСЕ ИНТЕРЕСНОЕ СЛУЧАЕТСЯ В ЗООПАРКЕ

На самой верхней ветке самого дальнего дерева в самом конце вольера сидела красноглазая ворона, погруженная в темные, мрачные думы. Если бы ее думы могли стать реальностью, то земля сейчас была бы охвачена огнем, а железные решетки и стальная сетка, удерживавшие пленницу, плавилась в нем. Если бы ее мысли обрели воплощение, то прожгли бы дыру в самом воздухе и открыли проход в иной мир – в мир, которому ворона принадлежала и куда отчаянно желала вернуться. Однако мечты оставались мечтами и годились лишь на то, чтобы убить время, поэтому с каждым прошедшим днем плена мысли ее становились все мрачнее.

Этой вороной была Ночная Мгла, ведьма из Бездонной Пропasti. Больше пяти лет она провела в своем нынешнем облике, отрезанная от Заземелья.

Каждый день заточенная в клетке ведьма вспоминала о родном мире. Она сидела на этой ветке, в стороне от других птиц, обделенных даром критического мышления и способных находить покой и даже счастье в своем жалком положении. Но Ночная Мгла не видела ни того ни другого – лишь горькие воспоминания о том, что было и чего, возможно, уже никогда не будет. О ее потерянном мире. Ее украденной жизни. Ее истинной сущности. Обо всем, что принадлежало ведьме до того, как она попыталась использовать дочь короля и королевы в своих целях.

Мистая Холидей, принцесса Заземелья, дитя трех миров... Ее родители не знали ничего о том, что ей нужно или кем она может стать. Их заботило только одно: уберечь свою дочь от судьбы, которая привела бы ее прямиком в руки ведьмы.

Это имя, то и дело мелькавшее в вихре беззвучных мыслей, кислотой разъедало сознание ведьмы, подпитывая ее ярость и ненависть. Эти чувства по-прежнему кипели, не теряя своей силы, и Ночная Мгла была уверена, что так будет до тех пор, пока Мистая не окажется вновь в ее власти – или не умрет. Ворона могла просидеть в этой клетке тысячу лет и не обрести свой истинный облик. Однако даже время не способно принести мир в ее душу.

В воспаленном разуме ведьмы мелькали события прошлого – дни, когда все было по-другому, и тот час, когда все внезапно оборвалось и ее жизнь превратилась в кошмар. Дитя – сломленное, побежденное, преданное своей наставнице по черной магии – принадлежало ей. А потом все пошло не так. Обстоятельства, которые Ночная Мгла не могла контролировать, сложились так, что девчонка выступила против нее. Ведьма пыталась заставить Мистую осознать свое предназначение, но не преуспела в этом. Вмешались родители принцессы и их друзья. Тогда Ночная Мгла применила могущественную магию, которая почему-то обратилась против нее самой. Вместо того чтобы за непослушание и неповиновение обречь девочку на изгнание в незнакомый мир, ведьма оказалась в нем сама, приняв привычный облик вороны.

Ночная Мгла не оставляла попыток понять, что именно пошло не так, но даже спустя столько лет не преуспела в этом.

Другие птицы держались поодаль от вороны с красными глазами. Они чувствовали, что это иное создание, отличное от них, опасное, которого нужно бояться. Птицы не приближались к ней, предпочитая оставить ее в покое. Правда, то и дело одна из них совершала опрометчивый поступок, подлетев слишком близко, и тогда на ее примере остальные учились быть осторожнее. Смерть никогда не была легкой. Или быстрой. Поэтому другие птицы старались не повторять ошибок, приближаясь к вороне с красными глазами.

Ни на что большее Ночная Мгла, ведьма из Бездонной Пропasti, не могла рассчитывать – если, разумеется, ей не удастся вырваться на свободу.

* * *

Винс стоял у решетки вольера, наблюдая за странной птицей – как наблюдал и большую часть последних пяти лет, прошедших с момента ее странного, таинственного появления. Каждый день, закончив работу – разумеется, если не нужно было торопиться домой к семье, – он останавливался здесь, чтобы посмотреть на ворону. Винс и сам не смог бы объяснить почему. В Вудлендском зоопарке содержалось много экзотических и просто странных животных, некоторые были настолько редкими, что в естественной среде обитания не встречались. Ворона с красными глазами была одной из них. Орнитологи и эксперты в смежных областях науки с самого ее появления быются над вопросом: является ли эта птица последней представительницей редкой породы, или же она лишь единичный случай отклонения от нормы? Но усилия их пока оставались тщетными. Винсу в общем-то было все равно. Птица заинтриговала его, и он с интересом наблюдал за ней.

Куда меньше зрителю нравилось то, что ворона, казалось, тоже изучает его и в ее красных глазах застыло странное, напряженное выражение, которому Винс никак не мог подобрать определение. Он очень хотел бы узнать историю птицы, но, разумеется, этому желанию сбыться было не суждено. Вороны разговаривать не умеют – да и думать тоже, если уж на то пошло. Они лишь следуют зову врожденных инстинктов. Умеют выживать.

– И как ты сюда попала? – тихо спросил Винс, разумеется не обращаясь к птице, но зная, что она по-прежнему наблюдает за ним.

Ворона появилась в местном приюте для бездомных животных из ниоткуда. В один прекрасный момент просто материализовалась в клетке. Винс до сих пор гадал, как такое возможно. Клетка была надежно заперта, никаких дыр в сетке не обнаружилось, птицы не могли влететь или вылететь из нее. Но эта сумела. Каким-то образом.

После поступления вороны в зоопарк ученые неоднократно пытались ее поймать для более вдумчивого изучения. Лучше бы они подумали об этом до того, как ее выпустили в вольер. Ни одна попытка не увенчалась успехом. Птица словно знала об их намерениях наперед, с легкостью избегая нелепых ловушек и уворачиваясь от неуклюжих рук. Экспертам пришлось удовлетвориться изучением издалека. Наблюдением. Что они, собственно, и делали до тех пор, пока более важные и, главное, достижимые цели не привлекли их внимание. Если бы речь шла не о птице, а, например, крупном представителе семейства кошачьих или же деревьях-великанах, выросших в южноафриканских степях, эти примечательные образцы удостоились бы более тщательного изучения, подумал Винс. Нашлись бы и финансы, было бы обеспечено внимание общественности, – словом, интерес к поиску разгадки возрос бы многократно. Винс знал, как подобные вещи делаются в зоопарках. Образно выражаясь, как смазывают скрипучее пятое колесо.

Винс еще немного понаблюдая за вороной, восседавшей на самой верхней ветке, словно королева над подданными. С такой царственностью. Почти с презрением. Как будто эта птица знала, что во всем превосходит других.

Винс покачал головой. Птицы не способны так думать. Было глупо воображать обратное.

Он взглянул на часы. Пора отправляться домой. Жена и дети ждут его к ужину. К тому же сегодня будет игра, которую он очень хотел посмотреть. Винс зевнул и потянулся. Завтра его ждет еще один рабочий день.

Мужчина направлялся к стоянке, где утром оставил свою машину, когда что-то заставило его оглянуться. Ворона с красными глазами следила за ним, ловила взглядом каждое движение. Винс почувствовал себя очень неуютно и покачал головой. Ему не нравилось, когда кто-то так пристально смотрел на него – особенно птица. В этом было что-то пугающее. Ему почудилось,

будто ворона выслеживает свою добычу. Казалось, она непременно отыщет его и убьет, если когда-нибудь окажется на воле.

Винс отвел взгляд от вороны с красными глазами и пошел дальше, ругая себя за дурацкие мысли. В конце концов, это всего лишь птица. Всего лишь птица.

Глава 2

НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Директриса Харриет Эпплтон, надменно выпрямившись, сидела за своим столом – огромным деревянным монстром. По мнению Мистаи, единственное его предназначение заключалось в том, чтобы заставить студентов, оказавшихся в сей гнусной обители, почувствовать себя ничтожными, крохотными созданиями. Стол ярко блестел слоями полировки – по всей видимости, так отрабатывали свои провинности девочки, которые либо плохо себя вели, либо просто оказались в немилости у власть имущих. Такие недоразумения не были редкостью в подобных учреждениях, где понятия «честность» и «справедливость» давно стали старомодными словами, вышедшими из употребления.

– Входи, Мисти, – пригласила мисс Эпплтон. – Присаживайся.

«Сказала кошка мышке», – подумала Мистая.

Больше всего на свете ей сейчас хотелось, не стесняясь в выражениях, пояснить, что эта милая женщина может сделать со своим предложением. Тем не менее Мистая закрыла дверь и подошла к двум стульям, стоявшим у стола. Она помедлила немного, выбирая, какой лучше, и наконец опустилась на сиденье.

Из окна кабинета виднелся студенческий городок, деревья с облетевшими листьями, земля, покрытая утренним инеем, а также каменные и походившие на крепости кирпичные здания, которые, казалось, съжились на декабрьском морозе. Новая Англия в это время года была не самым приятным местом для теплокровных существ, и, судя по всему, строениям такая погода тоже не по вкусу. Хотя сложно сказать наверняка.

– Мисти, – начала между тем директриса, вновь обратив на себя внимание посетительницы. Мисс Эпплтон спокойно положила руки на стол, твердо глядя на девушку. – Полагаю, нам нужно побеседовать наедине. Только в этот раз разговор будет отличаться от всех предыдущих.

С этими словами она взяла папку – единственный предмет, лежавший на почти пустом столе, помимо телефона, статуэтки совы и стаканчика с ручками и карандашами. Ах да, еще здесь стояла рамка, но фотографию Мистая не видела. Ей, конечно, хотелось узнать, кто запечатлен на снимке, но для этого пришлось бы обойти стол и встать за спиной директрисы, а на это девушка не осмелилась бы ни при каких обстоятельствах.

Мисс Эпплтон открыла папку и нарочито медленно принялась пролистывать страницы, хотя Мистая была уверена, что она читала их столько раз, что могла бы уже выучить наизусть. Директриса изрядно ее раздражала, но была отнюдь не глупа.

– Ты оказалась в моем кабинете уже в третий раз за последние три месяца, – спокойно произнесла Харриет Эпплтон, намеренно понизив голос. Мистая полагала, что директриса таким образом пытается донести до нерадивой ученицы всю серьезность ситуации. – К сожалению, ни один из этих визитов не был таким приятным, как мне бы хотелось. И, что меня еще больше расстраивает, наши беседы ни к чему не привели.

Мисс Эпплтон сделала небольшую паузу, но Мистая молчала, не сводя взгляда с лица своей собеседницы – резкими, острыми чертами оно чем-то напоминало физиономию Круэллы Девильт из фильма про собак. Неужели в американских школах не бывает симпатичных директрис?

– Ты впервые оказалась здесь, – наконец продолжила женщина, – за подстрекательство к беспорядкам. Скандал с нашими садовниками, если я правильно помню. Ты заявила, что у них нет никакого права срубить дерево, хотя это было особое распоряжение совета попечителей.

Если выразиться точнее, ты организовала акцию протеста, в которой приняли участие сотни школьниц. Занятия были сорваны на три дня.

Мистая кивнула:

– У деревьев тоже есть сознание и душа. То, о котором вы упомянули, жило уже двести лет и знало все глубинные основы нашего мира, оно было почтенным и гордым представителем своего вида. Но никто не захотел вступить за него, так что это сделала я.

Директриса улыбнулась:

– Да, тогда ты говорила то же самое. Но, думаю, ты вспомнишь, что я предложила сначала обговаривать подобные вопросы либо с вашим куратором, либо со мной. И желательно до того, как в следующий раз организуешь школьный бунт. Это помогло бы избежать последующего дисциплинарного взыскания.

– Оно того стоило, – упрямо заявила Мистая, воинственно подняв голову.

Харриет Эпплтон вздохнула:

– Я рада, что ты так считаешь. Однако, похоже, урока из этого происшествия ты не извлекла. В следующий раз ты оказалась в моем кабинете по той же самой причине. Ты не пришла сначала ко мне, как я предложила. Взяла все в свои руки. Насколько я помню, речь шла о ритуальном рубцевании. Ты организовала новый клуб – не получив разрешения администрации и даже не побеседовав об этом с учителями, – касавшийся какой-то программы единения с природой. Вместо того чтобы раздавать его членам нашивки или значки в качестве знаков отличия, ты отдала предпочтение рубцеванию. Судя по твоим словам, это какой-то вид африканского искусства, хотя я так и не поняла, каким образом это затрагивает нас. Больше двадцати учениц получили эти отличительные шрамы, прежде чем об этом стало известно куратору и мне.

Мистая ничего не ответила. Что тут скажешь? Конечно, мисс Эпплтон была права, хотя при этом не имела ни малейшего представления о том, что составляло основу мироздания. Если нет времени на то, чтобы сформировать прочные связи с живыми существами вокруг тебя – а не только с другими учениками, – ты рискуешь причинить природе непоправимый вред. Данное правило она твердо усвоила в Заземелье, однако жители этой страны – вернее, этого *мира* – ничего не знали. Мистая была поражена до глубины души, выяснив, что ученицы частной Кэррингтонской школы для девочек не имели ни малейшего представления о таких элементарных вещах. Она решила помочь им усвоить необходимые вещи в форме игры. Вступаешь в клуб – получаешь возможность изменить мир. Шрам должен был стать символом искренности членов ее маленькой организации, напоминанием о перенесенной боли – страданий человечества, возвращенных на почву невежества. Более того, порезы наносились острыми концами сломленных ветвей деревьев, бывших частью живого мира, который каждый новый участник клуба клялся защищать. Для Мистай все это казалось вполне разумным.

Кроме того, шрамы наносились на те участки тела, которые обычно были скрыты от посторонних глаз.

– Я не видела никакого смысла в том, чтобы утруждать других решением этого вопроса, – привела она довольно слабый довод в качестве объяснения. – Все, кто хотел участвовать в деятельности клуба, присоединялись добровольно.

– А вот их родители были совершенно иного мнения, стоило им узнать об этом. Я не знаю, что тебе дома разрешают мама и папа, но сейчас ты в Кэррингтоне, поэтому обязана придерживаться наших правил, которые гласят, что для организации клуба или кружка на территории школы требуется разрешение. Эти ученицы еще несовершеннолетние, Мисти. Как и ты сама. Тебе ведь всего пятнадцать!

Возможно, в каком-то смысле – если судить по тому, как Мистая выглядела. Настоящий возраст девочки был предметом вечных споров даже у нее дома. Есть уровень развития физического и развития умственного, которые могут не соответствовать друг другу. Есть число

прожитых лет и порог, которого достиг ушедший вперед разум. Если вы родились из ростка, вскормленного почвой страны, в которой магия реальна и является частью каждого, то не все законы природы работают в вашем случае. Впрочем, нет особого смысла думать об этом сейчас. Мисс Харриет Бестолковая не смогла бы понять этих простых вещей, даже если бы Мистая потратила остаток года на объяснения.

– Что и приводит нас к настоящему, точнее, к цели твоего третьего визита, – продолжила директриса, покачав головой, чтобы придать большую значимость своим словам. – Даже я не могла предположить, что ты проигнорируешь мое второе предупреждение и рискнешь разбираться с проблемами на свой страх и риск. Я ведь ясно объяснила, что ни при каких обстоятельствах не потерплю самостоятельности. О чем ты только думала?

– Так все это касается Ронды Мастерсон? – не веря своим ушам, спросила Мистая.

– Да, речь идет о Ронде. Именно о Ронде. У нее началась истерика! Медсестра была вынуждена дать ей успокоительное! И теперь я должна сообщить об этом ее родителям. Не знаю даже, что им сказать. Что ты травмировала психику девочки, угрожая ей? Ты так ее перепугала, что об этом судачит вся школа! Я просто потрясена, Мисти. И очень рассержена.

Об этом Мистая и сама догадалась. Правда, она так и не поняла, в чем, собственно, заключается проблема.

– Ронда меня оскорбила, перед всей школой, и сделала это специально, надеясь меня разозлить, и ей это удалось. Она получила то, чего заслуживает.

– Ронда тебя оскорбила? И что же она сказала?

Мистая сжала губы:

– Я не могу это повторить. И не стану.

– Хорошо, но что такого ты ей наговорила, что у Ронды началась истерика?

Что ж, это было трудно объяснить, и Мистая знала, что лучше даже не пытаться, если она хотела сохранить тайну своего происхождения. Принцесса Заземелья, дочь человека из этого мира и сильфиды, которая регулярно превращалась в дерево... Как прикажете это объяснять? Даже речи не может быть о том, чтобы поведать правду об отце. Конечно, если рассказать все о матери, то можно объяснить стремление защитить деревья, но это поставит под сомнение здравость ее рассудка. Начни она сейчас рассказывать о том, что ее настоящий дом находится не в Мэриленде, как все считали, а в королевстве Заземелья, то есть в совершенно другом мире, Мистаю посадят под замок до уточнения диагноза. Выбора не оставалось.

Придется импровизировать.

Девушка вздохнула:

– Я сказала Ронде, что, если она продолжит в том же духе, я до нее доберусь. Вот и все.

Но Харриет Эпплтон только покачала головой, явно не удовлетворившись этим ответом.

– Эти слова не могли так сильно перепугать бедную девочку. Ты что-то шепнула ей на ухо, а потом – по крайней мере, так мне сказали другие ученицы – сделала с ней что-то странное.

«Другие ученицы». Наверняка те прихвостни Ронды, высокородные сопливые девицы с Восточного побережья – денег много, мозгов мало. Они прицепились к Мистае в тот же день, когда она приехала в Кэррингтон, не упуская шанса посмеяться над ней, подразнить, поиздеваться. Одним словом, сделать жизнь девочки в этой школе совершенно невыносимой. Но в этот раз Ронда и ее подружки зашли слишком далеко. Мистая разозлилась и прибегла к магии, хотя это было строжайше запрещено при любых обстоятельствах. Она колдовала не в полную силу, но этого хватило, чтобы насторожить и даже напугать других. Мистая призвала образ одного существа, жившего в Заземелье. Этим девицам нужно молиться о том, чтобы никогда не встретить его во плоти.

Она показала им Страбона. Вблизи и во всей красе. Особенно не повезло Ронде, ощутившей его жаркое, зловонное дыхание.

– И что, по их мнению, я сделала? – спросила Мистая, надеясь повернуть разговор в нужное русло.

– Девочки сказали, что ты заставила дракона появиться прямо под носом у Ронды.

Мистая изобразила изумление:

– Я *заставила* дракона появиться? И каким образом, по-вашему, я могла это сделать? Мановением волшебной палочки?

Мисс Эплтон нахмурилась:

– Я не знаю, Мисти. Но, по моему мнению, ты вполне способна на это. Ты ведь очень необычная юная леди. Ты уже продемонстрировала, что можешь совершать поступки, на которые не способны другие ученицы. У тебя все задатки прирожденного лидера, ты очень решительна – временами доходя до безрассудства – и готова защищать то, во что веришь. Стоит определиться с задачей, и тебя ничто не может остановить. Мисти, ты очень одаренная девочка, прекрасная ученица. Получаешь высшие оценки. Если кто-то и мог убедить Ронду в том, что она видела дракона, то только ты.

Директриса наклонилась вперед:

– Вот в чем и заключается проблема: ты сделала нечто такое, что совершенно перепугало бедную девочку. Уже не впервые ты нарушаешь школьные правила, и я уверена, что если продолжишь в том же духе, то случай с Рондой будет далеко не последним. Я не потерплю такого пренебрежения уставом. Пойми, ты находишься в учреждении, в котором ученики получают прекрасное образование. Для этого процесс обучения должен проходить так, как положено, студенты обязаны следовать определенным правилам поведения и поступать соответственно. Мне не нравится использовать такую формулировку, но студенты должны приспосабливаться. Однако, похоже, ты не считаешь это обязательным.

– Вы правы, не считаю, – спокойно согласилась Мистая. – Я думаю, что мы здесь для того, чтобы развиваться, познавать самих себя. Тогда мы сможем сделать в своей жизни что-то по-настоящему важное. Я не считаю, что главная цель – приспособиться, скорее, наоборот, выделиться. Мы не должны стремиться стать такими, как все.

Директриса со вздохом кивнула:

– Да, когда ты станешь старше, так оно и будет. Но сейчас ты учишься в частной школе, цель которой заключается в том, чтобы подготовить вас всех к колледжу. Кэррингтон дает своим ученицам шанс научиться всему, что нужно во взрослой жизни. Это не класс химии, где ставят эксперименты. Особенно твоими методами.

С этими словами мисс Эплтон вынула из кармашка папки конверт и вручила его Мистае:

– С этого момента ты на время отстранена от занятий в Кэррингтонской школе для девочек, Мисти. Подробное описание причин ты найдешь в этом конверте. Внимательно прочти это письмо. Его копия была отправлена твоим родителям. Я пыталась связаться с ними, но никто не берет трубку. Полагаю, они снова путешествуют. Зато мне удалось поговорить с неким мистером Майлзом Беннетом, адвокатом твоего отца, и он обещал передать им мое сообщение. Но, думаю, будет гораздо лучше, если они обо всем узнают от тебя. Ты можешь остаться здесь до конца следующей недели, уедешь, когда закончатся занятия и начнутся рождественские каникулы.

– Мои родители... – начала было Мистая, но потом осознала смысл сказанного и замолчала. Она отстранена от занятий? За то, что Ронде Мастерсон померещился дракон? Какая глупость!

– Я хочу, чтобы ты отправилась домой и как следует обдумала нашу беседу, – продолжила Харриет Эплтон, закрыв папку и снова сложив руки перед собой на столе. – Я жду, что ты попытаешься немного пересмотреть свои взгляды и стать, наконец, разумной девушкой, чье поведение будет соответствовать нормам Кэррингтонской школы. Надеюсь, ты сумеешь

доказать мне, что можешь быть одной из наших образцовых учениц. В этом случае я обдумую вопрос об отмене своего решения. – Директриса помолчала. – В противном случае, боюсь, тебе придется искать другую школу. Мне очень жаль, Мисти. Мне действительно жаль.

Мистая поднялась, не оправившись толком от потрясения.

– Я понимаю, – отозвалась она. – Но не думаю, что это справедливо.

– В этом я не сомневаюсь, – согласилась мисс Эпплтон. – Поезжай домой и подумай об этом. После этого ты, возможно, придешь к другому выводу. Я, по крайней мере, всем сердцем на это надеюсь. Мне бы очень не хотелось потерять такую прекрасную ученицу.

Мистая повернулась и вышла из кабинета. Сейчас она могла думать только о том, как рассердится отец, когда обо всем узнает.

* * *

Она вышла из здания и окунулась в утреннюю прохладу, перебирая подробности очередной «беседы» с директрисой и чувствуя, как медленно, но верно усиливается раздражение. В общем-то до «временного отстранения» ей не было никакого дела. По правде говоря (хотя Мистая ни за что не призналась бы в этом вслух), девушке было бы все равно, даже если бы ее сразу исключили из школы. Она ненавидела Кэррингтон, терпеть не могла большинство учениц и весь этот мир, который был родным для отца, но не для нее самой. И все же ей пришлось, по его настоянию, отправиться сюда. У кого из них еще странный ход мыслей...

«Пришла пора тебе узнать больше об иных мирах, Мистая. Тебе нужно проводить время с другими девочками твоего возраста. Нельзя забывать о ценности образования, полученного в ином месте. Совершенно необходимо расширять кругозор с помощью путешествий и новых впечатлений. Советник и Абернети сделали все, что было в их силах, но теперь...»

И так далее и тому подобное. Ее отец. Иногда он бывал таким тугодумом... Все, что ей действительно было нужно, осталось в Заземелье, и уж точно Мистая могла бы с легкостью обойтись без сложностей, сопряженных с жизнью в другом мире, где никогда не происходило ничего нового и интересного. Она терпеть не могла здешние запахи, вкусы – словом, все, что ее окружало. Мисти ненавидела уроки, оказавшиеся скучными и малоинформативными. Кто вообще выбирал эти предметы? Разве был среди них хоть один урок, посвященный тому, как чувствовать и укреплять свою связь с природой? Разве предлагался им материал, посвященный приметам и классификации мифических существ? Разве у них был хоть один учебник, в котором монархия считалась бы адекватной формой правления, где говорилось бы о чем-то, кроме казней и прелюбодеяний?

И все же ничего подобного не произошло бы, если бы она сумела вовремя взять себя в руки. Ситуацию ничуть не улучшил тот факт, что одно из зданий на территории школы было названо в честь одного из предков Ронды Мастерсон – уже четыре поколения девушки из ее семьи учились здесь. В Кэррингтоне больше всего ценилась подобная преданность в сочетании с богатством. И то и другое в семье Мастерсон имелось в избытке. А у Мистаи, напротив, не было ни того ни другого. По крайней мере, в этом мире. Она была принцессой – но только в Заземелье, в стране, о которой здесь никто не имел ни малейшего представления. Она не обладала прочным положением в обществе – в отличие от Ронды Мастерсон. Мистая была просто девчонкой, которую в любой момент можно вышвырнуть вон.

В ту же секунду принцесса приняла решение. Если директриса хочет, чтобы Мистая Холидей уехала, – что ж, прекрасно, так она и поступит. Но девочка не собиралась ждать конца следующей недели. Нет, она уедет прямо сейчас и отправится в Заземелье. В свой настоящий далекий дом.

Мистая направлялась в одно из дальних зданий на урок английской литературы, но теперь резко развернулась и пошла в сторону общежития. Несколько учениц прошли мимо по дороге

на занятия, бросив на девушку несколько косых взглядов, но ни одна не сказала ни слова. Мистая отправилась в свою комнату, многократно возросшая решимость отразилась на лице – несмотря на то, что будет ждать ее дома. Девочка прекрасно представляла себе, что скажет отец. Но что он сможет сделать? Ее отстранили от занятий, велели отправляться домой – что ж, Мистая послушалась. Отцу придется с этим смириться.

В комнате никого не оказалось. Соседка Мистай, Бекки, отправилась домой на выходные. Это была высокая, крепкая, прекрасно сложенная девушка, которая получала стипендию за свои успехи в баскетболе. Она старалась как можно чаще возвращаться домой, в Нью-Йорк, к своей семье. Это вполне устраивало обеих соседок. Бекки нравилась Мистае. По крайней мере, она никогда не притворялась, не лицемерила и не боялась выразить свое мнение. Бекки участвовала во всех нарушениях, организованных Мистаей с момента ее появления здесь, вкладывая много сил в каждый проект, но ни разу не попала в беду, не была за это наказана. Она знала, как становиться частью какого-либо движения, не выделяясь при этом. Умела смешиваться с толпой – чему Мистае только предстояло научиться.

Девушка вздохнула. Мисс Эпплтон то и дело с гордостью ставила Бекки в пример. Мол, такой должна быть образцовая ученица. Мистая понимала только одно: директриса не имела ни малейшего представления о внутреннем мире Бекки и особенно об имевшемся в ней разрушительном начале.

Мистая начала упаковывать вещи – одежду, книги, личные принадлежности, а потом посреди приготовлений бросила все и замерла на месте. Какой смысл? Все, что ей было действительно дорого, осталось в Заземелье. Поэтому девушка оставила все свои вещи в комнате и вызвала такси. Ожидая прибытия машины, Мистая оставила Бекки короткую записку, объясняя, что в этой школе все для нее чужое, поэтому она больше не вернется. Принцесса Заземелья предложила своей соседке забрать все, что приглянется из ее вещей, и выбросить остальное.

После этого Мистая направилась по коридору к выходу и решила подождать такси, стоя на крыльце. Вдруг она поняла, что улыбается. Не может не улыбаться. Девочку переполняла радость: она возвращается домой! Причина не имеет значения. Достаточно уже того, что она вообще есть.

Мистая отправилась на такси в аэропорт, успела на самолет до Далласа, оттуда – на короткий рейс до Вейнсборо. Деньги – не проблема, если ты принцесса Заземелья. В дороге она снова и снова размышляла о своей жизни, соизмеряя уже пройденный путь с тем, который только предстоит одолеть. Это нелегко, если ты – наполовину волшебное создание. Ее непохожесть на других девочек было бы трудно переоценить. Ничто в жизни Мистай не шло так, как обычно, как принято. Она никогда не росла так, как обычные дети, даже по стандартам Заземелья, продвигаясь огромными скачками от младенчества до девичества. В два она уже говорила. В три ходила. В четыре научилась плавать. Месяцев, а не лет. Затем наступила пауза, продлившаяся почти год – это был один из периодов покоя, когда почти ничто не менялось. То же самое Мистая переживала сейчас, все ее существо словно замерло в ожидании. Тело соответствовало пятнадцати годам, разум – двадцати двум. Эмоциональное развитие задержалось где-то между двумя возрастами. Девочка не могла точно описать, что с ней происходит, не могла дать название странному ощущению. Она чувствовала что-то. Это напоминало зуд, который продолжался, сколь долго и с какой бы силой она ни чесалась. Мистая не находила себе места, была всем недовольна и жаждала того, чего у нее не было и чему она не могла дать названия.

Возможно, возвращение домой поможет Мистае выяснить, что с ней происходит. В Кэррингтоне девушке так и не удалось понять это. Все эти приключения с деревьями, природой и Рондой лишь помогали ей чем-то себя занять. Предметы, которые приходилось изучать, были слишком легкими и скучными. Мистая мыслила и работала на уровне колледжа, поэтому не могла узнать много нового в частной средней школе, что бы ни думал ее отец по этому поводу.

Девушке пришло в голову, что по большей части она научилась бунтовать и доставлять другим неприятности. Мистая открыла множество новых и интересных способов нарушать школьные правила и доводить учителей и администрацию до безумия.

Мистая улыбнулась. Что ж, по крайней мере, это было весело.

Когда самолет наконец приземлился, она позвонила в частную службу перевозок и заказала машину, чтобы добраться до гор Блю-Ридж, что тянулись вдоль шоссе Скайлайн-Драйв. День выдался ясным и солнечным, но при этом холодным, температура поднялась чуть выше нуля, поэтому в машине был включен обогрев, и Мистая на время поездки сняла свое тяжелое пальто. Ее путешествие закончилось через двадцать миль у поворота к Национальному парку имени Джорджа Вашингтона, к югу от Вейнсборо. Маленький зеленый указатель с цифрой тринадцать, написанной черной краской, небольшая хижина – убежище от непогоды – и телефонная будка обозначили нужное место. Мисти попросила водителя остановиться неподалеку, надела свое теплое пальто и выбралась из автомобиля. Водитель неуверенно покосился на свою пассажирку, но девушка заверила его, что с ней все будет в порядке и ее здесь обязательно встретят. Мужчина пожал плечами и уехал.

Мистая подождала немного, пока его машина окончательно не скрылась из вида, потом еще чуть-чуть – на всякий случай – и направилась вверх по дорожке, ведущей по склону в лес. Девушка вдыхала резкий и колющий холодный воздух, чувствуя себя обновленной и до странного живой. Она многое ненавидела в мире своего отца, но только не горы. Прямо перед ней ледяной поток нес свои воды к подножию, но он почти весь покрылся льдом, и слышалось звенящее, музыкальное журчание. Мистая поймала себя на том, что пытается угадать, какая сейчас погода в Заземелье. Наверняка там тепло и солнечно. Иногда, конечно, бывали и грозы с ливнем и ветром, серые, мрачные тучи, порой даже выпадал снег, но по большей части в ее родном мире сияло яркое солнце на голубом небосклоне. Именно это принцесса ожидала увидеть сегодня. Правда, девушка не знала, как ей придется добираться до замка, встретит ли она там того, кто сможет отвезти ее, или же придется идти пешком.

Неожиданно Мистая вспомнила о Стойсвисте, своем земляном щенке, и задумалась, будет ли он ждать ее, чтобы поприветствовать.

От одной мысли, что земляной щенок может не объявиться, Мистае стало очень тоскливо. Она была вынуждена оставить его в Заземелье, не смогла забрать с собой в Кэррингтон – обитатели Заземелья (как люди, так и иные создания) не могли пройти сквозь туманы фей. Ее отец был единственным исключением, но только потому, что являлся владельцем медальона королей Заземелья, позволявшего путешествовать куда угодно.

Мистая, в свою очередь, могла свободно перемещаться между мирами, поскольку это было заложено в самой ее природе. Тело девушки было средоточием элементов трех столь разных земель.

Что делало ее не похожей на всех остальных.

Мистая кисло ухмыльнулась. Может быть, отец примет это во внимание, когда услышит про исключение своей дочери из школы?

Глава 3

ТАКИЕ ЖЕ СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА, КАК ОНА

Мистая продолжала подниматься в горы, пока шоссе окончательно не скрылось за стволами и ветвями деревьев, на которых зима не оставила ни единого листа, а густой туман начал застилать все вокруг. Маленький ручеек тоже остался позади, и даже отголоски журчания воды начали стихать. Впереди туман становился все гуще, извиваясь и кружась, словно живое существо. Он поднимался к вершинам деревьев, закрывая просветы голубого неба между обнаженными ветвями.

Если бы девушка не знала, чего стоит ожидать, она бы наверняка испугалась. Но ей уже приходилось путешествовать между мирами, и Мистая помнила, что ей предстоит. Туманы обозначали вход в Заземелье, и, когда она их преодолеет, перед ней наконец откроется путь домой. Если бы кто-то другой обнаружил этот проход и попытался пройти по нему до конца, то потерпел бы неудачу – туманы не пропустили бы незваного гостя, окончательно запутав, и он бы вернулся туда, откуда пришел. Но Мистае откроется путь в Заземелье.

Если, конечно, она не будет так беспечна и беззаботна и не свернет с тропы, напомнила себе юная принцесса. Стоит хоть на шаг отклониться от проложенного пути, хоть немного изменить маршрут – и о безопасности можно забыть. Это касалось даже дочери короля Заземелья.

Мистая плотнее закуталась в пальто и подняла воротник – холодный воздух превращал ее дыхание в клубы пара. Девушка, не останавливаясь, упрямо продолжала свое восхождение по тропинке, которая все время вела наверх. Достигнув конца проложенного пути, Мистая не стала останавливаться – она знала и чувствовала, куда нужно идти, чтобы успешно переместиться из одного мира в другой.

Внезапно перед девушкой оказалась стена из древних дубов – огромные монстры отбрасывали мрачные тени в тусклом свете, пробивавшемся сквозь густые кроны. В их ветвях клубилась блеклая дымка, а сами деревья через некоторое время расступались, образуя туннель, чернота которого уходила далеко в лес, куда не проникал ни единый луч солнца. Густой, непроходимый туман обнимал извивающимися, словно огромные серые змеи, завитками стволы и ветви древних молчаливых великанов. Мистая, не останавливаясь, шла дальше и вскоре оказалась у входа в туннель. Впереди была только темнота и клубы тумана. Мистая продвигалась вперед, ни на мгновение не замедляя шага, но чувство неуверенности начало потихоньку подбираться к ней. Несмотря на свои знания и умения, она тоже могла допустить ошибку. Никогда нельзя знать наверняка, все ли ты делаешь правильно.

А последствия любого неверного движения были воистину ужасны. Малейший шаг в сторону – и ты окажешься во владениях фей, откуда нет выхода.

Мистая продолжила двигаться вперед, наблюдая за тем, как туман и темнота расступаются ровно в одном шаге перед ней. Девушка крепко обхватила себя руками, надеясь побороть пронизывающий холод. Со всех сторон из-за деревьев до нее доносились голоса невидимых созданий, взывающих к ней. Мистае они были хорошо знакомы, принцесса знала и то, кто они и какова их цель. Феи, искушающие и манящие путешественников, проходящих через их владения. Хитрые, непредсказуемые создания, от магии которых не была защищена даже она сама – а ведь она родилась из почвы царства фей, а значит, в какой-то мере принадлежала их миру. С одной стороны – дитя волшебных Туманов, с другой – Земли, а с третьей – Заземелья: эти корни Мистаи и определяли, кем и чем она была.

Ее мать Ивица скрывала тайну происхождения дочери; правду девочке поведала Ночная Мгла, ведьма. Мать Мистаи была сильфидой и имела много общего с эльфами. Ее называли

в честь дерева, в которое она время от времени превращалась, чтобы слиться с природой и наполниться жизненными силами. Когда пришла пора дать жизнь дочери, сильфида обратилась в иву, пустив корни глубоко в землю, однако до этого было необходимо собрать и смешать землю из трех миров – из места под названием Гринвич в мире Бена, из старого соснового леса в Озерном Крае и из Туманов – страны фей. Но роды начались неожиданно, и Ивице пришлось превратиться в дерево и пустить корни в смешанные на скорую руку почвы прямо в темных глубинах Бездонной Пропасти – доме ведьмы Ночной Мглы, пропитанном магией, где сильфида в тот момент находилась. Мистая появилась на свет без осложнений. Но последствия ее рождения оказались совершенно непредсказуемы, потому что девочка была единственной в своем роде.

Проблема заключалась в том, что дочь сильфиды не была похожа на окружающих.

Мистая сильно отличалась от обитателей любого из трех миров, поэтому для нее, несмотря на родство с феями, страна Туманов представляла опасность. Добраться до Заземелья можно было только в том случае, если не сходить с проложенной в незапамятные времена тропы и не терять хладнокровия.

Мистая старалась не нарушать жизненно важные правила и делала то, что было необходимо, хотя искушение свернуть с тропы и последовать за чарующими голосами, чтобы отыскать хоть одну фею, было невероятно сильным. Девушка, стараясь не отвлекаться на далекие гипнотические звуки, продолжила свой путь, с нетерпением ожидая, когда темнота и туманы наконец расступятся, а деревья выпустят ее из этого бесконечного туннеля между мирами.

Что вскоре и случилось.

Очень быстро и неожиданно очертания окружающего пейзажа начали меняться – лес поредел, а завеса тумана стала прозрачней. Через несколько мгновений деревья остались позади, а Мистая вышла прямо в яркий, солнечный день, пропитанный сладкими ароматами и дыханием теплого ветра. Девушка наконец остановилась и глубоко вдохнула, позволив знакомым ощущениям наполнить себя.

Дом.

Она вышла из Туманов на западных рубежах Заземелья, где простиралась огромная равнина. Мистая помнила, что это была широкая, открытая Зеленая Долина; к югу от нее лежал Озерный Край – дом ее матери; на севере громоздились Мелькорские горы – родина троллей; а на востоке тянулись бесконечные пустоши, которые вели к Огненным Ключам, где обосновался последний из драконов – Страбон. Разумеется, принцесса всего этого видеть не могла, и виной тому были не только огромные расстояния: когда ты находишься у границы Зеленой Долины, которую широким кольцом охватывают величественные горы, все вокруг окутано легкой дымкой тумана из царства фей.

Мистая окинула взглядом столь дорогой ее сердцу пейзаж, радуясь своему возвращению домой после долгого отсутствия. Однако стоило заметить очертания Мелькора, как она невольно начала пристально всматриваться в угольно-черный провал, видневшийся неподалеку, – вход в бездонную пропасть. Воспоминания, в которые девушке совершенно не хотелось погружаться, вновь предстали перед ее внутренним взором, и она ощутила легкий укол сожаления. На самом деле Мистая появилась на свет именно здесь, в Бездонной Пропасти, мрачном и темном месте, которое, как бы ни хотелось иного, всегда будет неотъемлемой частью ее существа. Об этом принцессе рассказала Ночная Мгла. Ночная Мгла, которая хотела воспитать Мистую как свою собственную дочь – разумеется, на свой манер. И какое-то время это желание даже было обоюдным. Ложь и предательство стали символами жизни девочки после того, как ей едва исполнилось десять лет. К счастью, тот период остался далеко позади и больше никогда не напомнит о себе. Ночная Мгла покинула Заземелье, и ей не суждено вернуться.

Мистая усилием воли отвела взгляд от Бездонной Пропasti и посмотрела в противоположную сторону, где, как она знала, находится замок Чистейшее Серебро – до него было не очень далеко, меньше дня в дороге, если идти быстрым шагом.

Она не стала медлить и начала быстро спускаться с горы, почти без размышлений выбирая путь. Мистая полной грудью вдохнула ароматы долины, когда наконец ее нога ступила на травяной ковер. Она узнавала каждый запах, могла с легкостью отличить любой из них от другого и назвать растение, которому он принадлежал. Принцесса научилась этому в те времена, когда ее воспитанием и образованием занимался советник Тьюс – придворный волшебник. Советник, забавный, добрый старик, всегда занимал в сердце Мистаи особое место. И вовсе не потому, что Тьюс был довольно смешным, частенько путал заклинания и был постоянным источником всевозможных небольших катастроф. И даже не потому, что колдун был одним из немногих, кто относился к принцессе как к взрослому человеку, а не как к ребенку, сознавая, кто она такая, пожалуй, даже лучше, чем ее собственный отец. И даже не потому, что советник был самым близким человеком для Мистаи, кроме, пожалуй, ее родителей.

Причина ее особого отношения к старику крылась в том, что советник Тьюс спас жизнь девушке, при этом едва не попросившись со своей. Он, ни на мгновение не задумавшись о возможных последствиях, бросился ей на помощь и уберег от страшной, роковой ошибки. Придворный волшебник не колеблясь выступил против намного более сильного противника – Ночной Мглы, ведьмы из Бездонной Пропasti.

Мистае пришлось использовать собственную магию – смесь ее природных талантов и благоприобретенных от Ночной Мглы знаний, – чтобы спасти советника. Девочка пришла в ярость, когда узнала, что наставница обманывала ее, хитростью заставляя обращать новые навыки против собственного отца. Отчаянная злость затопила сознание Мистаи, и она, собрав все силы, набросилась на ведьму, и две волшебницы, невежественная и опытная, сошлись в страшном сражении, которое могло окончиться трагично для принцессы и Тьюса, если бы не своевременное вмешательство Стойсвиста. Заклинание ведьмы Бездонной Пропasti обернулось против нее самой, и она исчезла во вспышке зеленого колдовского огня. Мистае потребовались все ее таланты и невероятное упорство, чтобы помочь советнику Тьюсу победить яд и встать на ноги. Поправившись, старик стал наставником принцессы и ее постоянным компаньоном.

До тех пор, пока ее отец не отправил дочь в Кэррингтон, где, по его словам, девушку должны были научить новым и очень важным вещам.

К чести советника, тот не стал возражать. Тьюс согласился с отцом Мистаи, который, помимо прочего, был королем и обладал правом решающего слова почти во всех вопросах. Придворный волшебник сказал, что Бен Холидей, властитель Заземелья, прав и ей необходимо увидеть другой мир, выбор которого был более чем очевиден. Советник обещал подождать, когда принцесса вернется и они продолжат занятия с того места, на котором остановились. Мистая в свою очередь дала слово, что вновь начнет изучать флору и фауну, магические создания и их привычки – словом, все, что существует в удивительном мире Заземелья, единственном, который был для девушки действительно родным.

Вспомнив о своем обещании, Мистая неожиданно захотела сдержать его.

Вдруг рядом с ней пронеслась огромная черная тень, расплывавшаяся во все стороны, – что-то массивное и крылатое беззвучно пролетело над головой девушки. Она только и успела выдохнуть и пригнуться, готовясь защитить себя и дать достойный отпор неведомому врагу. От взмахов гигантских кожистых крыльев легкий ветерок в мгновение ока превратился в резкий, порывистый вихрь, который так и норовил свалить Мистаю с ног. Наконец в поле зрения девушки показался и сам обладатель тени. Дракон Страбон изогнулся в полете, вытянул свое тело и, завалившись на бок, устремился вниз и приземлился прямо перед принцессой.

Она осторожно выпрямилась и взглянула в хищные, жестокие глаза зверя, высокой громадой возвышавшегося перед ней.

– Добрый день, дракон! – храбро поприветствовала его Мистая.

– Добрый день, принцесса, – ответил Страбон голосом, который напоминал скрежет ножовки по металлу.

Девушка не знала, к чему эта неожиданная встреча могла привести, и поэтому решила уточнить у дракона, что ему нужно. И чем быстрее, тем лучше.

– Похоже, ты прилетел сюда не просто так, а с определенной целью. Ты хочешь поздравить меня с возвращением домой?

– С возвращением, – иронично ответил он.

Мистая напрасно ждала чего-то большего – дракон продолжал молча сидеть на месте, преграждая ей путь. Страбон был огромным созданием, вес которого составлял едва ли меньше четырех-пяти тонн. Тело дракона покрывала жесткая, плотная кожа, а защитой служили костяные пластины, похожие на доспехи, и острые шипы, идущие вдоль спины; его треугольную морду венчали рога, а лапы толщиной были с три человеческих тела. Один желтоватый глаз пристально смотрел на Мистаю, в то время как другой был лениво прикрыт и в нем не отражалось ничего, кроме усталости и отсутствия интереса к происходящему. «Какой необычный прием», – подумала она, гадая, сможет ли научиться делать так же.

– У нас возникла небольшая проблема, принцесса, – громко произнес Страбон спустя несколько мучительно долгих минут. – Ты совершила кое-что, на что наложен запрет. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду?

– Нет, – заявила Мистая, которой неожиданно пришло в голову, что дракон намекает на ее небольшой конфликт с Рондой Мастерсон.

– Ты с помощью магии создала мой образ, чтобы кого-то испугать, – продолжил он, подтвердив догадку девушки. – Это запрещено. Всегда было запрещено. Никто никогда не обладал правом (и не получит его) создавать мой образ – ни в каком виде, ни для каких бы то ни было целей. Особенно без моего разрешения. Возможно, ты этого не знала?

Мистая глубоко вздохнула:

– Нет, не знала. Я думала, что подобное использование магии вполне приемлемо.

– Подумай еще раз. Хотя нет, лучше не стоит. Уж не знаю, каким манерам тебя обучали в замке и какое поведение кажется тебе приемлемым, но ставить на дракона клеймо страшного злобного монстра, который способен только на одно – побыть пугалом, никуда не годится. Считай это моим первым и последним предупреждением. Если ты еще хоть раз создашь мой образ без разрешения, то мы увидимся куда быстрее, чем тебе бы того хотелось, и тогда придется ответить за свою глупость. Я ясно выражаюсь?

Мистая сжала губы, чтобы Страбон не заметил, что они задрожали. Дракон выгнул шею, огромной скалой нависая над девушкой, так что она даже почувствовала зловонное, тошнотворное дыхание зверя.

– Куда уж яснее, – наконец сумела произнести она.

– Вот и хорошо, – заявил дракон. Он выпрямился – размером Страбон превышал трехэтажное здание, а размах его огромных черных крыльев был вдвое шире. – Я не буду тебя больше задерживать. Было приятно вновь увидеться, искренне желаю тебе всего хорошего. Ты мне всегда нравилась, и твоей матерью я тоже восхищался. Однако твой отец, разумеется, совершенно другое дело. Сделай себе и мне одолжение – не стремись быть похожей на него. А теперь – прощай. И не сочти за труд помнить о моем предупреждении.

Взмах огромных крыльев поднял ветер такой силы, что Мистаю отбросило на землю. Дракон взмыл в небо и, мерно вздымая огромные крылья, полетел на восток, пока не превратился в маленькое черное пятно, быстро исчезнувшее на горизонте. Девушка долго глядела

ему вслед, раздумывая, насколько близко она сейчас подошла к тому, чтобы узнать о драконах много нового, познакомиться с ними гораздо ближе, чем ей бы того хотелось.

– И все равно, он о себе слишком высокого мнения, – пробормотала принцесса, поднимаясь на ноги и отряхивая штаны.

Неожиданно сбоку от себя Мистая уловила какое-то движение и восторженно вскрикнула, обнаружив знакомую мордочку, показавшуюся в зарослях кустов; преданный взгляд животного был устремлен на девочку.

– Стойсвист! – воскликнула она. – Ты пришел!

Мистая кинулась было к земляному щенку, чтобы обнять его за шею, но тут же вспомнила, что к нему нельзя прикасаться. Поэтому она подошла к Стойсвисту, опустила на одно колено и послала верному другу воздушный поцелуй.

– Я так рада тебя видеть! – с искренней теплотой произнесла девушка.

Он смотрел на нее карими глазами, полными обожания, и его странный чешуйчатый хвост вилял из стороны в сторону. Земляные щенки были одними из самых странных созданий Заземелья, а это говорило о многом. У Стойсвиста было вытянутое туловище, местами покрытое коричневой шерстью, четыре короткие лапы заканчивались широкими перепончатыми ступнями. Земляной щенок чем-то отдаленно походил на грызуна, если не считать пары висячих собачьих ушей и странного чешуйчатого хвоста. Зверек выглядел так, словно его собрали из оставшихся ненужных частей других животных. Словом, он был настолько отвратителен, что даже казался милым. Стойсвист был подарком от Матери-Земли, помощником и защитником Мистай, который всегда чувствовал и знал, когда принцессе Заземелья может понадобиться магия земляного щенка.

Как выяснилось, его помощь потребовалась всей семье и друзьям, чтобы остаться целыми и невредимыми.

Стойсвист сел на задние лапы и, глядя на Мистаю, облизнулся, словно приветствуя ее.

– Я знала, что ты придешь меня встретить, – ласково сказала она старому другу, хотя на самом деле до последнего сомневалась в этом. – Славный, верный Стойсвист.

Мистая похлопала по бедру, давая команду земляному щенку следовать за ней, и вновь пустилась в путь. Теперь, когда он трусил рядом, настроение принцессы существенно улучшилось, и она начала думать, что все не так уж и плохо и нет таких проблем, которые нельзя решить. Ее отец, конечно, был упрямым человеком, но при этом отнюдь не самодуром. Разумеется, он внимательно выслушает свою дочь, оценит все доводы и аргументы и только потом примет решение. Именно поэтому Бен Холидей был таким хорошим королем. Он никогда не принимал поспешных решений и всегда был готов посмотреть на проблему со всех точек зрения. Верховный лорд Заземелья никогда не упорствовал в собственных заблуждениях и умел признавать свои ошибки. И если Мистая приложит все силы, то сумеет убедить отца в своей правоте. Он должен будет принять тот факт, что Мистая принадлежит Заземелью, а не какому-то другому серому и тоскливому миру, и согласится признать эксперимент со школой Кэррингтон одной большой ошибкой.

Девушка быстро шагала к замку – ей не терпелось поскорее добраться домой и начать разбираться с накопившимися проблемами. Стойсвист, по внешнему виду которого можно было с уверенностью сказать, что он просто не в состоянии передвигаться быстрее черепахи, тем не менее преспокойно трусил за Мистаей. Она всей душой любила этого маленького зверька и, вновь обретя старого друга, была преисполнена решимости больше никогда с ним не расставаться. Принцесса пообещала себе, что будет всегда держать его рядом с собой, Стойсвист станет ее постоянным спутником. Все, что для этого нужно делать, – звать земляного щенка по имени по крайней мере один раз в день, даже если его нет поблизости и неизвестно, где он в данный момент находится. Все это объяснила юной принцессе Мать-Земля, подарившая ей своего любимца, и с того дня девушка никогда не забывала о ее словах. Хотя Мистае незачем

было называть имя щенка во время учебы в школе в мире своего отца, она продолжала совершать этот своеобразный ритуал, потому что очень скучала по своему маленькому приятелю и защитнику.

По дороге она пыталась тихонько насвистывать, но, поскольку так и не удосужилась научиться этой нехитрой науке, то и звук получался довольно жалкий, поэтому через некоторое время девушка принялась петь. Одна из восьми лун Заземелья – лиловая – виднелась на востоке небосвода, а на противоположной стороне сияла бледно-голубая, казавшаяся почти прозрачной, и, словно приветствуя их, Мистая продолжила петь. Луна персикового цвета еще не вошла, но, когда она появится на небе, странница поздоровается и с ней. Долина постепенно озарялась всеми оттенками радуги, каждая травинка и цветок озарялись хороводом ярких красок. От островков фруктовых деревьев разносились необычайно притягательные ароматы. Мистая глубоко вздохнула и неожиданно поняла, что ужасно проголодалась.

Впереди возвышался едва видневшийся замок Чистейшее Серебро, шпили которого переливались в лучах света, отражавшегося от вод озера вокруг крепости. Мистая, приветствуя свой дом, начала петь и ему тоже.

Проходя мимо небольшой рощицы Лазурных Друзей, расположившейся почти у самого выхода из долины, девочка отломала ветку и с жадностью принялась отрывать и есть листья, которые были едва ли не главным продуктом питания человекообразных жителей Заземелья. Лазурные Друзья – деревья, созданные с помощью древней могущественной магии много тысячелетий назад, их листья были съедобными, а под корой тек сок, который по вкусу очень напоминал молоко. Они росли повсюду и могли восстанавливаться с завидной быстротой. Любой обитатель Заземелья, который жил хотя бы в дне пути от зарослей Лазурных Друзей, мог в разумных пределах использовать их в своих нуждах. Ни один странник в этом мире не был обделен ни едой, ни питьем.

– Хочешь, Стойсвист? – спросила она земляного щенка, хотя прекрасно знала, что его подобная пища не интересует. Мистае просто хотелось, чтобы волшебный зверек знал, что спутница готова с ним поделиться.

Они шли по зеленой равнине, через луга огнежогов, стебли которых были красными как кровь, по полям королевских корон – золотистых цветков, с изумрудно-зелеными листьями, позади них остались розовые ковры глициний, простиравшиеся на несколько миль. То тут, то там Мистае попадались по пути кристально чистые пруды, в которые впадали текущие из гор серебристые ручейки, журчащим кружевом разрезавшие долину. В воздухе витало радостное ощущение лета, словно обещавшее, что все будет хорошо.

Хотя время от времени Мистае очень хотелось, чтобы в Заземелье выпал снег. Она видела, как он шел высоко в горах, однако оставался на земле только в Туманах фей, куда войти было нельзя. Наверняка много снега будет и в Кэррингтоне, когда наступит настоящая зима. Пока девочка там еще училась, она застала несколько многообещающих метелей.

Она постаралась выкинуть из головы мысли о школе. Не было никакого смысла говорить о Кэррингтоне. Он навсегда остался в прошлом.

Мистая и Стойсвист добрались до маленького леса, который обозначал границу, за которой начинались владения короля, когда земляной щенок ткнулся девушке в ноги. Она отошла в сторону, думая, что преградила зверьку путь, но тот вновь слегка ее ударил.

На этот раз Мистая замерла там, где стояла. По всей видимости, Стойсвист мог прикасаться к ней, хотя самой принцессе было запрещено трогать его. Она прижала ладони к губам и удивленно воззрилась на зверька, но тот спокойно пошел дальше, двигаясь влево, в сторону огромного старого Марсова дерева, которое выделялось среди остальных своим размером. Его раскидистые ветви расходились от ствола во все стороны.

На одном из сучьев что-то раскачивалось. Мистая подошла к исполину ближе и различила какое-то существо, связанное и подвешенное к одной из крепких нижних веток. Приглядевшись, принцесса поняла, что болтающиеся тряпки и веревки скрывали за собой кыш-гнома.

Каждый обитатель Заземелья, не важно, жил ли он в глуши Озерного Края, или на вершинах Мелькорских гор, или даже в самых глухих районах Пустошей, слышал о кыш-гномах. По большей части сведения ограничивались тем, как держаться от них подальше. Одно название, которое произошло от постоянно повторяемых окриков «Пошли прочь, гномы! Кыш!», говорило о многом. Эти существа жили в норах, не имели ничего за душой, питались пойманными маленькими животными и птицами – к сожалению, по большей части это оказывались чьи-то домашние любимцы. Они пользовались благосклонностью отца Мистаи – хотя иногда у него из-за этого возникали проблемы – по двум простым причинам. Во-первых, кыш-гномы первыми присягнули на верность Бену Холидею, когда тот объявил себя королем, а во-вторых, правитель Заземелья считал, что все его подданные заслуживают равного отношения, не важно, как низко они пали или что думают о них окружающие. И это было замечательным качеством для правителя. Едва ли можно было найти более презираемых существ в этом мире, чем кыш-гномы.

У Мистаи было свое мнение на их счет. Ей они скорее даже нравились, потому что всегда могли своими выходками поднять настроение и рассмешить. Но с другой стороны, ни один из них пока еще не съел ее домашнего любимца.

Она подошла к беспомощно висящему на дереве кыш-гному и пригляделась к его замороченному тряпьем лицу.

– Пьянчужка? – прошептала она.

Мистая отказывалась верить своим глазам. Это был тот самый кыш-гном, на которого она наткнулась, когда ослушалась Ночную Мглу и покинула Бездонную Пропать. Ведьма обманом заставила девочку поверить в то, что была ей другом, и не выпускала из своего темного и мрачного обиталища – якобы для безопасности юной принцессы. В конце концов Мистая все же поддавалась порыву взглянуть на яркий, полный красок мир, который она так давно не видела. Однако почти сразу же девушку нашла Ночная Мгла и попыталась убить кыш-гнома, но, к счастью, вмешался Стойсвист и спас его.

Все это произошло несколько лет назад, и с тех пор девушка не видела Пьянчужку.

И вот неожиданно-негаданно она нашла его в лесу – да еще в таком положении.

Мистая принялась быстро распутывать веревки, связывавшие коротышку. Первым делом она решила вытащить кляп у него изо рта, но это оказалось большой ошибкой.

– Аккуратней, ты, неуклюжая девчонка! Ты что, пытаешься содрать всю кожу с моего лица?! Достаточно того, что меня унизили эти обезьяны с крысиными мордами. Не хватало, чтобы теперь меня принялся мучить какой-то жестокий ребенок! Хватит, прекрати так сильно дергать за эти веревки, ты мне все кости переломашь! О, неужели ничего лучшего я не заслуживаю?

Мистая продолжала трудиться, стараясь не обращать внимания на бесконечные причитания кыш-гнома, ее занятие было и без того весьма непростым. Узлы на веревках, связывавших Пьянчужку, оказались настолько затянутыми, что девушке приходилось прикладывать все свои силы, чтобы их распутать.

– Стой! – заорал он. – Ты что, не слышала, что я сказал? Ты мне сейчас что-нибудь сломаешь! Девчонка, ты что, не понимаешь? Мне больно! Неужели тебе совершенно не жалко меня, связанного и истерзанного? Неужели я не достоин лучшего обращения? Разве хоть один кыш-гном заслуживает уготованной ему судьбы? Этот мир так жесток, он слишком суров и ничего не прощает... Больно! И мы, беспомощные, несчастные жертвы... Больно, я сказал! Которым приходится страдать каждый день! Перестань! Да перестань ты уже!

Мистая отступила на шаг назад.

– Ты хочешь, чтобы я тебя освободила, или нет?

Гном уставился на девушку, его губы обиженно дрожали.

– Хочу. Но, пожалуйста, безболезненно.

Внешне гномы выглядели именно так, как их можно представить по одному названию, – голова, покрытая густыми волосами, лицо, неуловимо напоминавшее мордочку хорька, и плотно сбитое тело. Это были маленькие существа, ростом чуть больше фута, а поскольку их основным местом обитания были норы, коротышки были постоянно перемазаны грязью. Пьянчужка не оказался исключением.

Вдруг принцесса задумалась, почему она стала распутывать веревки, прикасаясь к грязному телу кыш-гнома, в то время как могла бы освободить его с помощью магии.

Собравшись это, она быстро произнесла несколько слов, сделала несколько резких движений рукой, и веревки, связывавшие Пьянчужку, упали на землю. Гном рухнул прямо на кучу тряпья и стал хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

– Неужели обязательно было делать именно так? – часто и тяжело дыша, проговорил он, глядя на Мистая. Затем Пьянчужка неожиданно замолчал и пристально взгляделся в лицо девушки. – погоди! Я тебя знаю!

Кыш-гном перевел взгляд с нее на Стойсвиста, сидевшего неподалеку, и в его маленьких слезящихся глазках зажглась искра понимания.

– Ты же та самая маленькая девочка из Бездонной Пропasti, которую прятала Ночная Мгла! Ты дочь Верховного лорда... Повтори еще раз, как тебя зовут?

– Мистая, – ответила она.

– Нет, ты что-то путаешь. – Гном покачал головой и нахмурился. – Абереллина... или Портя, или что-то похожее.

Мистая нагнулась и рывком поставила кыш-гнома на ноги, которые так сильно тряслись, что казалось, могут в любой момент не выдержать его веса и подкоситься.

– Нет, меня зовут Мистая, – заверила его девушка. – И все-таки, что с тобой произошло?

Гном на мгновение задумался, затем старательно отряхнулся и поправил свою поношенную одежду.

– Меня подвесили сюда разбойники, – сухо заявил он. – По правде говоря, я направлялся в замок, чтобы повидать тебя. Мне хотелось убедиться, что с тобой все в порядке, – от тебя уже очень давно не было никаких новостей. Не очень хорошо с твоей стороны так поступать, принцесса. Должен сказать, что с друзьями так не обращаются. Подумай только, если бы не я, ты бы наверняка до сих пор была пленницей ведьмы!

Мистая предпочла не вдаваться в обсуждение давних событий, которые в изложении Пьянчужки превратились в историю, совершенно ей незнакомую, и даже не стала выяснять правду о «разбойниках». Ей сейчас совершенно не хотелось портить себе веселье, поэтому девушка решила подыграть кыш-гному.

– Значит, тебя поймали разбойники, обмотали веревками и оставили висеть здесь? – продолжила расспросы Мистая, надеясь выяснить, как этот коротышка угодил в такой переплет.

– В самом деле, все так и было, – с надрывом в голосе продолжил Пьянчужка, театрально размахивая руками. – Я сражался с ними, как зверь, до тех пор, пока силы не покинули меня! Врагов было слишком много даже для такого воина, как я. Они забрали все мои вещи, замотали в эти лохмотья и повесили на ветку. Ни один из них не подумал, что со мной может случиться! Даже не обернулись на прощание, когда бросили меня здесь совсем одного!

– Что ж, тогда тебе повезло, что я проходила мимо, – произнесла Мистая.

– Могла бы прийти и побыстрее, – наставительно произнес кыш-гном.

– Как ты теперь себя чувствуешь?

– Бывало и лучше, но думаю, что со мной все будет в порядке, особенно если найдется что поесть и попить. У тебя, случайно, вяленого мяса в карманах не завалялось?

Принцесса отрицательно покачала головой.

– Почему бы тебе не пойти со мной в замок? Наверняка там найдется хорошая еда. А сегодня ты можешь быть моим гостем за ужином.

На лице гнома появилось выражение первобытного ужаса, и он принялся изо всех сил качать головой.

– Нет, нет, это совершенно невозможно! – Он с трудом сглотнул, пытаясь придумать подходящее оправдание. – Пойми, мне бы, конечно, очень хотелось принять твое приглашение! Быть твоим гостем – огромная честь для скромного, непритязательного кыш-гнома. Но у меня... у меня сегодня встреча совета племени, которую я просто не имею права пропустить. Поэтому мне нужно спешить, я, наверное, отправлюсь в путь сейчас же. Это происшествие с разбойниками спутало все мои планы, которые, к слову сказать, надолго откладывать нельзя.

Девушка кивнула в ответ:

– Я так и думала. Что ж, тогда, возможно, в другой раз?

– Да, разумеется, в другой раз. Это было бы просто чудесно. – Пьянчужка закивал и попятился от принцессы. – Это случится очень скоро, даю тебе слово. Был очень рад вновь повидаться с тобой, Мистрая. Или Министерия. Очень рад, просто счастлив, что у тебя все хорошо. И у твоей странной маленькой собачки тоже. Он всегда гуляет вместе с тобой или ты иногда отпускаешь его побродить в одиночестве? Мне кажется, такому животному нужно часто бывать на свежем воздухе, надеюсь, ты его не держишь все время в замке. Я имею в виду, было бы очень полезно для него гулять в лесу неподалеку.

Девушка выразительно посмотрела на гнома, и тот лъстиво улыбнулся в ответ, предоставив Мистае возможность полюбоваться его замечательными острыми зубками.

– Я просто спросил. Ну, спасибо, что освободила меня, хотя и едва не переломала мне все кости, пока распутывала веревки. – Гном многозначительно потер оставшиеся от веревок синяки, надеясь разжалобить принцессу своими страданиями. – Надеюсь, мы скоро увидимся вновь. По правде сказать, я в этом уверен. Видишь ли, мне удалось обзавестись домом в этой части Заземелья. Решил начать все заново после той встречи с ведьмой. Знаешь, я так долго пытался прийти в себя, в конце концов, мне нанесли такую травму... Но все равно я ничуть не жалею, что помог тебе. Оно того стоило.

Что ж, решила Мистая, он на самом деле сумел ей помочь, хоть и не по собственному желанию, а лишь из-за неосторожности. Пьянчужка увлек ее разговором, довольно долго удерживая от возвращения в Бездонную Пропась. В ходе этой беседы юная принцесса узнала правду о том, что родители считают ее пропавшей, не зная, где их дочь и что с ней. К тому же кыш-гном невольно преподал девочке наглядный урок, показав истинный характер и намерения ее предполагаемой наставницы. Наблюдая за тем, как Ночная Мгла пытается расправиться с Пьянчужкой, Мистая впервые заподозрила, что, возможно, она совершает большую ошибку, оставаясь у ведьмы.

– До скорого, – кинул кыш-гном через плечо, поспешно уходя прочь. – Прощай!

Мистая не стала его задерживать. Разумеется, Пьянчужка не рассказал ей правду о том, кто и почему подвесил его на дереве, но с кыш-гномами постоянно случались подобные происшествия. Еще некоторое время она смотрела ему вслед, а потом развернулась и направилась вместе со Стойсвистом к замку. У них осталось не так много времени.

Наконец девушка смогла различить главные ворота, находившиеся на противоположном конце насыпи, ведущей к замку Чистейшее Серебро, который стоял на маленьком островке и горделиво возвышался над озером. Сейчас его озаряли все луны Заземелья. Когда Мистая приблизилась к величественному строению, то заметила на его стенах советника Тьюса, с энтузиазмом машущего ей рукой.

Приветствие показалось принцессе вполне обнадеживающим.

Глава 4

ОТЕЦ ЛУЧШЕ ЗНАЕТ

Бен Холидей сидел за столом напротив дочери, обеспокоенно глядя на нее. Это было уже слишком. Он смотрел на юную девушку, у которой было все, чего только можно пожелать. Она была красива, умна, талантлива и прекрасно образованна. И обладала на редкость могущественной магией. Мистая была дочерью короля и королевы Заземелья, в ее распоряжении оказалась уникальная возможность стать кем-то особенным, не таким, как все, совершить нечто удивительное.

Только вот твердолобое упрямство и отсутствие здравого смысла затмевали абсолютно все замечательные душевные качества и необычайные способности девушки, превращая принцессу в постоянный источник раздражения для тех, кто любил ее больше всех.

– Отстранена от занятий, значит, – повторил он уже, наверное, в пятый или в шестой раз, глядя на письмо.

Дочь кивнула.

– За использование магии.

Она снова кивнула.

– Ты обратилась к магии? – не веря собственным ушам, переспросил Бен. – Несмотря на наш уговор? Несмотря на свое обещание не применять волшебство за пределами Заземелья?

Мистаяхватило ума потупить и промолчать.

– Я ничего не понимаю. Где был твой здравый смысл, когда все это произошло? Неужели жалкое развлечение стоило того, чтобы нарушить наш договор? Ты что, думала, соблюдать его будет легко? Что это не потребует никаких усилий? Что ты сможешь делать все, что захочешь, не думая о последствиях?

Мистаявыпрямилась:

– Почему бы тебе не признать, что эта затея с самого начала была обречена на провал? Мне там не место. Мой дом здесь.

Он стиснул челюсти, чувствуя, что краснеет. Бену очень хотелось сказать дочери, что ее место будет там, где скажет отец, но он сумел сдержаться. С большим трудом.

– Значит, то, чего хотим для тебя я и твоя мать, не имеет вообще никакого значения?

– Только когда это неправильно. – Мистаявздыхнула. – Если бы ты оказался на моем месте, как бы ты сам поступил? Наверняка бы никому не позволил отправить тебя в место, где ты чужой для всех, где над тобой смеются, дразнят, где никто не понимает необходимости заботиться о природе. Ведь не позволил бы?

Бен не знал, что бы он сделал, оказавшись на месте дочери, к тому же, по его мнению, речь шла вовсе не об этом. Разговор касался того, что сделала Мистая. А это были две совершенно разные вещи.

Он сделал глубокий вдох, пытаясь немного успокоиться, и медленно выдохнул. Король Заземелья, Верховный лорд, правитель всех народов, хозяин дорог, которые связывали множество миров, не может контролировать собственную дочь. Бен не помнил, когда в последний раз был так зол. Или когда чувствовал такую усталость. Он ощущал странную беспомощность, глядя в бесстрастное лицо дочери, которая, по всей видимости, ничуть не расстроилась из-за того, что случилось, и не желала чувствовать себя виноватой. Мистая ни слова не сказала о том, когда собирается вернуться или что сделает, чтобы добиться восстановления. Она вообще ничего не говорила о школе. Черт побери, это ведь была его идея! Бен хотел, чтобы дочь училась в хорошей частной школе в его мире, общалась с другими девочками, своими ровесницами, которые не владели магией. Они не были странными, волшебными созданиями

вроде драконов или земляных щенков, к коим девочка питала такую нежную привязанность. Обычные, живые люди с человеческими слабостями и странностями. В том мире Мистая могла бы научиться общаться с ними и поддерживать нормальные взаимоотношения. Но разве она попыталась сделать это? О нет, только не его дочь. Вместо этого, если судить по полученному письму, она обращалась с другими ученицами и администрацией как с грязью под ногами, не считаясь ни с кем, кроме себя самой, и в результате ее выставили вон из школы.

А теперь милая девочка сидит перед ним, словно ничего особенного не случилось, в ее глазах нет ни тени стыда. Очевидно, Мистая уже решила для себя, что это досадное происшествие положит конец папиному эксперименту.

Бен снова перечитал письмо директрисы Харриет Эпплтон, пытаясь найти слова для ответа.

– Еще одно прочтение ничего не изменит, – спокойно заявила его дочь. – Я нарушила их идиотские правила, и меня вышвырнули из школы.

– Тебя вышвырнули из школы, потому что ты даже не попыталась приспособиться! – отрезал Бен. – Ты очень хотела бы свалить вину на школу и других учениц, но на самом деле эта неудача целиком и полностью на твоей совести. Жизнь всегда требует компромиссов, никогда ничего не бывает только так, как хочется тебе. Я надеялся, что обучение в Кэррингтонской школе будет включать в себя и этот урок. Чтобы стать частью большого сообщества, нужно прилагать усилия. Как, по-твоему, мне удастся быть королем? Я должен учитывать потребности и настроения других людей. Я должен помнить, что они не всегда смотрят на жизнь с моей точки зрения. Я должен относиться к ним с уважением и пониманием, даже если в душе не согласен с их мнением. Понимаешь, даже король не может просто отдавать приказы, сидя на троне. В жизни такого не бывает!

– Возможно, Мистае нужно пожить какое-то время в Заземелье, еще немного повзрослеть, прежде чем она вернется в твой мир, – тихо предположила Ивица. Она сидела в стороне от Бена, слушала и ничего не говорила – вплоть до этого момента.

Король Заземелья посмотрел на жену и в очередной раз подивился тому, как Мистая внешне похожа на мать. Но на этом сходство заканчивалось. Ивица была сдержанной в суждениях, спокойной, рассудительной, в то время как Мистая действовала, подчиняясь эмоциям, и совершенно не желала тратить время на раздумья. Конечно, когда-то давным-давно, еще в юности, его жена была такой же – до того, как родилась Мистая. Возможно, Ивица лучше понимала их дочь, но пока она не сказала ничего, что доказывало бы это умозаключение.

– Мистая – уже взрослая, умная юная леди, – напомнил Бен. – Куда умнее и взрослее тех девчонок, которые одержали над ней верх. – Он покачал головой. – Ей нужно научиться справляться с подобными трудностями. И эта проблема не исчезнет просто потому, что Мистая вернулась домой. В Заземелье ее ждут такие же трудности – не важно, сегодня, завтра или в далеком будущем. Так устроена жизнь. – Он снова перевел взгляд на дочь: – Но мы отошли слишком далеко от темы. Тебя отстранили от посещения занятий в Кэррингтонской школе, и у меня сложилось представление, будто ты не собираешься туда возвращаться.

– Это не представление, – отозвалась девочка. – Это факт. Я не вернусь в эту школу.

Бен медленно кивнул.

– Что в таком случае ты собираешься делать? – поинтересовался он.

– Останусь тут, в Заземелье, буду учиться у советника и Абернети всему, что они смогут мне преподать. – Мистая ненадолго замолчала и продолжила: – Неужели это настолько неразумно?

«Дело-то вовсе не в этом, – подумал король. – Мало вести себя разумно. Нужно делать то, чего от тебя ждут, особенно если в этом случае можно добиться чего-то большего». Но Мистая не хотела видеть эту сторону жизни, и Бен не мог представить, что сделать, чтобы заставить ее задуматься. Он знал, что нельзя спускать дочери последнюю выходку, нельзя, чтобы она

возвращалась, уверенная в своей правоте, и, не прислушиваясь ни к кому, сама распоряжалась своей жизнью и делала все, что считает нужным. Мистая не сумела усвоить очень важный урок, отказываясь признать его необходимость, а ведь Бен дал ей шанс. Нет, он не представлял, что теперь делать.

– Вот что я тебе скажу, – осторожно произнес Бен. – Мне нужно все обдумать. Обсудить последние события с советником и Абернети, узнать, что они думают. Возможно, у них появятся какие-нибудь идеи. Это справедливо?

Мистая подозрительно посмотрела на отца, но он выдержал ее взгляд, и девушка кивнула:

– Думаю, да.

Она поднялась, подошла к матери и, склонившись, поцеловала ее в щеку. Затем, не глядя на короля, вышла из комнаты.

Бен попытался испепелить взглядом закрывшуюся дверь. Подождав немного, чтобы Мистая не могла услышать их разговор, он произнес:

– Я не могу это просто так оставить.

– Пойми, Бен, дело не в тебе, – спокойно произнесла его жена. – Просто Мистая изо всех сил пытается повзрослеть при очень сложных обстоятельствах.

Тот уставился на Ивицу:

– О чем ты говоришь?! У нее есть все! Такие обстоятельства – проще некуда!

Ивица подошла и опустилась рядом с мужем на колени, положив ладонь ему на руку.

– Было бы гораздо проще, если бы Мистая была такой же, как все вокруг, и ей не приходилось прикладывать столько усилий, чтобы скрыть различия. Неужели успел забыть, каково было тебе самому, когда ты впервые оказался в Заземелье? Совершенно другой мир, другая жизнь, все, что знал, осталось позади, все, что окружает тебя теперь, незнакомо и зыбко.

Разумеется, она была права. Бен купил право называться королем Заземелья в рождественском каталоге. Замысел мошенников заключался в том, чтобы взять деньги с какого-нибудь богача с тем расчетом, чтобы он остался недоволен и быстро поумнел или же, в худшем случае, распрощался с жизнью. Бен тогда не верил, что место вроде Заземелья может существовать на самом деле и, тем более, что он может стать в нем королем. Но мужчина не так давно потерял жену и ребенка и отчаянно жаждал шанса начать все заново. Бену дали такую возможность, но ожидал он совсем иного. Потребовались колоссальные усилия, чтобы воплотить мечту в реальность.

Почти с самого начала Ивица была рядом и помогала ему. Одной ночью на озере, где новоявленному королю неожиданно захотелось искупаться, перед ним предстало прекрасное видение из волшебного мира, стройное, гармоничное, без единого изъяна – сильфида, дочь Хозяина Рек. Ее кожа была бледно-зеленого, почти серебристого оттенка, волосы – насыщенного изумрудного цвета, причем не только длинные, прекрасные локоны, но и короткие, узкие гривки на тыльной стороне рук и ног. Бен ни разу в своей жизни не встречал ни одного создания, похожего на его жену, и знал, что никогда не встретит. Ивица была самой поразительной, самой необычной женщиной, которую ему довелось знать, и каждый день, проведенный с ней, был подарком судьбы, в чью щедрость король Заземелья до сих пор не мог поверить.

Сильфида погладила мужа по руке:

– Возможно, тебе так не кажется, но она делает все, что в ее силах. Мистая обладает умом взрослой женщины, но эмоционально она по-прежнему безнадежно юна. Девочка пытается отыскать баланс между первым и вторым, и, по-моему, ей это пока не удалось.

– А что тем временем должен делать я? – требовательно спросил Бен, чувствуя, что на него вновь нахлынули раздражение и усталость. – Я же не могу просто стоять и наблюдать за ее попытками!

– Будь с ней терпелив. Дай Мистае немного времени. Беседуй с ней, но не пытайся заставить девочку сделать то, что ей не по душе. Я знаю, Мистае необходимо проводить некоторое

время в твоём мире, так как там есть нечто, способное помочь нашей дочери вырасти лучшим человеком. Но возможно, все это может подождать еще несколько лет? – Она поднялась, и Бен, посмотрев в ее теплые темные глаза, прочел в них одобрение и поддержку. – Подумай об этом. Я, пожалуй, поговорю с ней наедине. Возможно, сумею помочь.

Ивица вышла из комнаты и, как всегда, унесла сердце своего мужа с собой.

* * *

Когда за его женой закрылась дверь, Бен подошел к окну и окинул взглядом свои владения. Затем король стал критически разглядывать свое лицо, отразившееся в стекле. Волосы поседели на висках, морщинки на лбу и вокруг глаз углубились, стали заметнее. Он старел – правда, не так быстро, как в своем собственном мире. В Заземелье процесс увядания протекал медленнее, хотя Бен не мог бы сказать наверняка, насколько повезло ему лично, поскольку на каждого эта земля оказывала разное воздействие. Некоторые старели гораздо медленнее других. Некоторые, как, например, Мистая, вообще не подчинялись обычным законам природы. Феи, как говорили Бену, были неподвластны влиянию времени.

По нормальным, земным стандартам королю было около пятидесяти восьми. Однако он выглядел, да и чувствовал себя так, словно был лет на пятнадцать моложе. Особенно это становилось заметно, когда Бен сквозь туманы возвращался домой и встречался со своим старым другом и бывшим партнером по юридическому агентству Майлзом Беннетом. Тот выглядел намного старше. Майлз прекрасно знал об этой разнице, но ни разу не упомянул ее в разговоре. Это было вполне в его духе. Жизнь по-разному обходится с людьми.

Особенно если вы живете в Заземелье и вас зовут Бен Холидей.

И вновь вспомнились первые впечатления об этом мире. Двадцать лет назад он впервые попал в таинственную страну, чтобы заявить о своих притязаниях на трон. Понятие «культурный шок» было слишком мягким, чтобы описать то, что Бен пережил. Все его представления о том, каково быть королем, были сокрушены в первый же день. Замок оказался тусклыми развалинами. Двор состоял лишь из волшебника, который никак не мог справиться с магией, писца, которого некогда превратили в собаку и с тех пор никак не могли расколдовать, а также повара и охотника, походивших внешне на двух злобных обезьян, а на деле оказавшихся довольно интересными созданиями – кобольдами.

И это только обитатели королевского замка.

За его стенами имелись рыцари, дракон, ведьма, тролли, кыш-гномы, эльфы и огромное количество странных созданий всех видов, форм и сортов. Были тут даже демоны, жившие под Заземельем в дьявольском местечке под названием Абаддон. Несколько раз за последние двадцать лет Бену пришлось побывать в их мире. Там были растения и цветы, поразительно красивые, но способные убить человека в одно мгновение – и глазом не успеешь моргнуть. Обитали там пещерные существа, болотные хлюпы, палочные монстры и насекомые, чей укус вызывал ужасные судороги, и поэтому к ним не рекомендовалось подходить. В буквальном смысле.

Отдельного упоминания заслуживал и сам замок, Чистейшее Серебро, живая, дышащая сущность. Созданный из твердых элементов и пропитанный магией, он был сотворен для того, чтобы заботиться о королях Заземелья, в первую очередь об их удобстве и удовлетворении всех насущных потребностей. Замок в известном смысле присматривал за правителями, был связан с ними так же, как мать с ребенком. Жизнь Чистейшего Серебра была сосредоточена в жизни короля, и две эти сущности были неразрывно соединены.

Наконец, был еще Паладин...

Бен резко оборвал плавный ход своих мыслей. «Не думай сейчас об этом, – сердито велел он себе. – Это не самое подходящее время».

С другой стороны, наступит ли нужный момент когда-нибудь? Разве нынешнему королю хоть раз хотелось поразмыслить о том, кто и что он такое на самом деле?

Бен перевел взгляд на раскинувшиеся вокруг замка земли и вновь погрузился в размышления о дочери. Он знал, что ни в коем случае нельзя просто проигнорировать ее поступок, но при этом понимал, что Ивица права. Будет большой ошибкой пытаться силой заставить Мистаю сделать нечто, против чего она настроена всем сердцем. Кэррингтонская школа, конечно, была частью воистину гениального плана, но, судя по всему, придется подождать. Исходя из этого факта, как бы тяжело ни было Бену его признавать, оставалась все та же проблема: что теперь делать с девочкой? Конечно, она с радостью вернется к своим бывшим наставникам – советнику и Абернети. Почему бы и нет? Оба души в ней не чаяли и были готовы разрешить ей делать все что угодно.

Отчасти именно поэтому Бен отослал дочь в частный пансион. Он считал, что Мистае будет полезно оказаться в том месте, где существуют общие правила, а жизнь построена на взаимодействии всех членов небольшого сообщества, среди которых не было незадачливого волшебника и говорящей собаки.

Бен вновь опустился на стул. Он по-прежнему сидел, обдумывая ситуацию и пытаясь найти выход, правда без особого успеха, когда раздался стук в дверь. На пороге показались советник Тьюс и Абернети.

Король бросил на них беглый, оценивающий взгляд. «Да уж, действительно странная парочка», – подумал Бен.

Он любил обоих приближенных, был готов отдать за них жизнь, сделал бы все что угодно для каждого из этих двоих. Бен ни за что не сумел бы стать настоящим королем Заземелья без помощи Тьюса и Абернети.

И все же было невозможно не заметить того, насколько странной парочкой они могли показаться стороннему наблюдателю.

Советник Тьюс был придворным магом, обученным чародеем, чьи основные обязанности включали в себя роль королевского помощника, который должен был облегчить жизнь его величеству благодаря своей мудрости и волшебным силам. Беда заключалась в том, что советник не слишком преуспел ни в том ни в другом. Хуже всего дела обстояли с магией. Бен не мог не признать, что советы колдуна не раз выручали его из беды (не считая нескольких довольно значительных просчетов), но занятия волшебством всегда приводили к катастрофе. Тьюс, конечно, старался и был преисполнен благих намерений, однако их осуществление оставляло желать лучшего. Если дело касалось магии советника, нельзя было быть уверенным ни в чем. Слишком много времени тратилось на исправление его ошибок.

Абернети был в этом смысле самым красноречивым доказательством, и советник Тьюс до сих пор не сумел отыскать способ вернуть все на свои места. Чтобы спасти придворного писца от на редкость неприятного и опасного последнего кронпринца Заземелья, волшебник превратил его в собаку. Не полностью, разумеется. Ему удалась лишь частичная трансформация. Абернети сохранил вполне человеческие руки, разум и речь. Все остальное стало собачьим, хотя писец по-прежнему ходил на двух ногах. Но это не слишком утешало, поскольку Абернети бережно хранил воспоминания о своем былом облике и хотел вернуть его. Советник не мог ему помочь, потому что до сих пор не разработал заклинание, способное обратить перемену. Он не прекращал попыток помочь другу – а они действительно были друзьями, несмотря на то что жили как кошка с собакой. Однажды у Тьюса почти получилось, и Абернети ненадолго вновь обрел человеческий облик. Однако у советника все валилось из рук, и об этих инцидентах было лучше не упоминать вообще.

Итак, они были здесь. Высокий, тощий, похожий на пугало старик с длинными белоснежными волосами и бородой, облаченный в одну из своих жутких мантий, кричащие узоры и яркие цвета которых приводили в ужас даже Мистаю; советник Тьюс был удивительно рассе-

янным и мог создать неприятности на пустом месте. Рядом с ним на задних лапах стоял по-человечески одетый пес и изредка лаял.

Бен сразу же понял: они хотят что-то с ним обсудить. И это «что-то», скорее всего, было связано с Мистаей.

– Ваше величество, – приветствовал короля советник Тьюс, склонившись в глубоком поклоне.

– Ваше величество, – вторил ему Абернети, но без особого энтузиазма.

Советник ненавязчиво кашлянул.

– Нам нужно немного вашего времени – если, конечно, вы сейчас не очень заняты, – чтобы поделиться одной идеей, которая пришла нам в голову, пока мы раздумывали о том, как решить эту небольшую проблему с Мистаей. Разумеется, мы понимаем, как вам пришлось нелегко, и...

– Меньше слов, советник! – прорычал Абернети совсем по-собачьи. – Ближе к делу!

Бен снисходительно улыбнулся и поднял руки, подавая обоим друзьям знак замолчать.

– Я так понимаю, у вашего визита есть конкретная цель, и это не просто очередная попытка завалить меня советами и объяснениями того, в каких аспектах воспитания дочери я допустил ошибку?

На лице советника отразился ужас. Понять, что испытывает Абернети, было сложнее – собака почти всегда выглядит как обычная собака, даже если это пшеничный терьер.

– О нет, ваше величество! – с беспокойством воскликнул Тьюс. – У нас не было ни малейшего намерения пытаться указать вам на ошибки в вопросах воспитания Мистаи! Такая кощунственная мысль никогда не пришла бы нам...

– Вообще-то мы действительно подумывали об этом, – прервал советника Абернети, пытаясь испепелить того взглядом. – Но мы пришли по другой причине. Как вы, надеюсь, вскоре узнаете.

Советник ответил таким же красноречивым взглядом:

– Возможно, ты хочешь взять этот разговор в свои руки? Такой вариант тебя устроит?

Абернети потряс головой, уши встали торчком.

– Вполне. Если ты не возражаешь?

– Прощу тебя.

Бен надеялся, что на этом их маленький водевиль закончен, но прикусил язык, терпеливо ожидая продолжения.

Придворный писец наконец-то посмотрел на своего короля:

– Ваше величество, мы с советником прекрасно осведомлены о том, что возвращение Мистаи не могло не разочаровать и не разозлить вас. Мы прекрасно понимаем и то, что, по мнению принцессы, должно произойти, а именно – все вернется на круги своя, станет таким же, каким было до ее отъезда. Вы же, с другой стороны, хотели бы подыскать более продуктивное времяпрепровождение для своей дочери, желательно – занятия образовательного характера и, по возможности, требующие определенных усилий.

Он произнес последнее предложение с вопросительной интонацией, хотя по тону друга Бен понял, что тот убежден в верности своих догадок.

– Продолжай, – произнес король, кивнув.

– Мы знаем, что Мистая должна научиться дисциплине, ваше величество, – вставил советник Тьюс, забыв о том, что отдал бразды правления в руки Абернети всего несколько секунд назад. – Ваша дочь – весьма целеустремленная и в каком-то смысле мятежная особа, возможно, потому, что она умна, красива и очаровательна.

– А возможно, отчасти еще и потому, что она ваша дочь, – пробормотал писец и одарил Бена красноречивым взглядом. – Но продолжим. – Абернети устремил взгляд мудрых карих глаз на советника, заставив его замолчать. – Что нам действительно нужно, так это хороший

урок для Мистаи, в ходе которого она бы усвоила что-нибудь полезное. Вы надеялись, что некоторую жизненную мудрость ей может предоставить Кэррингтон. Сколь бы ни были поучительны занятия со мной и советником, у наших знаний и умений тоже есть границы. И мне лично кажется, мы их уже достигли.

– Это совершенно лишено оснований!.. – взвился колдун.

– Советник, прошу вас! – Абернети оскалил зубы, глядя на своего друга, а потом вновь повернулся к королю. – Поэтому у нас появилась одна идея, которая могла бы воплотить ваш план в жизнь, – наконец договорил он.

Бену уже было страшно слушать дальше, но избежать продолжения этого разговора он все равно не мог. Король сделал глубокий вдох:

– И в чем он заключается?

– Либирис, – гордо объявил советник Тьюс.

Бен кивнул.

– Либирис, – покорно повторил он.

– Королевская библиотека.

– А у нас она есть?

– Еще бы.

– Либирис, – задумчиво повторил Бен еще раз. – Если я, конечно, не ошибаюсь, то при мне о ней никто не упоминал. – Озадаченный король откинулся на спинку стула. – С чего бы это?

– Это целиком и полностью моя вина! – заявил Абернети.

– Это целиком и полностью его вина, – невозмутимо согласился советник Тьюс. Он казался весьма довольным этим заявлением. – Наш придворный писец ведь никогда вам о ней не рассказывал, не так ли?

– Как и ты, между прочим! – возмутился тот.

– Как и все остальные, – оборвал их Бен, наклонившись вперед и чувствуя вполне закономерное раздражение. – Это как, интересно, так получилось, что у нас есть королевская библиотека, о которой я ничего не знаю? Мне казалось, что, как король Заземелья, я должен быть осведомлен о подобных вещах! Где, черт побери, она находится?

– О, ваше величество, знаете ли, это долгая история. – Советника, похоже, этот факт несказанно огорчал, словно длина истории – несчастный случай или неприятная особенность.

– Возможно, вы могли бы предложить мне краткий вариант? – улыбнулся Бен. – Возможно даже, вы могли бы поведать мне его прямо сейчас, пока я еще улыбаюсь и тешу себя надеждой, что это каким-то образом связано с моей дочерью.

Советник снова прокашлялся.

– Давным-давно, в далекие времена жил-был король...

Но громкий лай Абернети оборвал его на полуслове. Писец только покачал головой:

– Только посмотри, на что ты заставил меня пойти, волшебник! Из-за тебя я опять лаял, хотя, как ты прекрасно знаешь, терпеть этого не могу! – Он негодуя ткнул пальцем в советника. – Рассказывать буду я, иначе мы тут застрянем на целый день! – Абернети обернулся к Бену: – Либирис был основан одним из прежних королей, который правил задолго до вас. Это был человек куда более просвещенный, чем его сын или толпа притворщиков, сменивших их обоих на престоле. Он построил здание, в котором решил хранить свои книги и рукописи, принадлежавшие лордам Зеленой Долины, а также всем остальным, у кого имелись личные библиотеки. Король надеялся на то, что, сделав книги доступными каждому жителю Заземелья, он сумеет пробудить интерес к чтению, которого большинству катастрофически не хватало. Это была очень хорошая идея, и какое-то время она действительно работала. Но неожиданно возникли сложности, к тому же со временем король стал стар, утратил интерес к своей затее, и все его усилия пошли прахом. В конце концов Либирис перестал играть роль всеобщей

библиотеки. Если совсем честно, замок ждали годы печального пренебрежения. Очень скоро библиотеку окончательно закрыли.

– Но почему вы ни разу о ней даже не упомянули?! – не отступал Бен.

– Потому что были иные, куда более важные заботы на протяжении всех тех лет, которые мы провели в этом замке, ваше величество. В частности, мы упорно старались сохранить вашу жизнь. Возможно, вы помните этот нелегкий период? После того как родилась Мистая, сознаюсь, мне это даже в голову не приходило. Просто не было причин. В конце концов, Либирис закрыт уже много-много лет. – Писец пожал плечами. – Мне, конечно, следовало упомянуть о библиотеке раньше, но эта тема не казалась такой уж важной.

Бен нашел это заявление довольно странным, но, учитывая положение дел в Заземелье даже спустя двадцать лет с начала его правления, вряд ли следовало удивляться.

– Что ж, сейчас вы эту тему наконец подняли, так, может, объясните, как эта библиотека связана с Мистаей?

Советник Тьюс сделал шаг вперед, вновь взяв нить беседы в свои руки:

– Мы подумали, что, возможно, вам стоило бы отправить Мистаю в Либирис, поручив ее высочеству реорганизовать библиотеку и вновь открыть ее. Это потребует определенных усилий и прекрасно сочетается с вашей воспитательной программой, основанной на обучении через сотрудничество. К тому же нам, то есть Абернети и мне, кажется, что это идеальный проект для юной леди с такими выдающимися способностями.

Бен обдумал их предложение.

– То есть, вы считаете, мне следует отправить дочь туда – для того чтобы она выяснила, что нужно сделать? А потом Мистая должна собственноручно, в одиночку, разбираться с реставрацией книг и зданий библиотеки? Пятнадцатилетняя девчонка?!

Советник и Абернети быстро переглянулись.

– На вашем месте я бы не стал говорить ей это в лицо, – спокойно заявил писец. – И да, я считаю, что с этой задачей Мистая вполне способна справиться. Неужели вы со мной не согласны, Верховный лорд? – Абернети помолчал немного. – Было бы большой ошибкой недооценивать ее способности.

– К тому же эта задача потребует усилий, напряженной умственной работы. Мистая сможет многому научиться, – добавил советник Тьюс. – Ей придется работать с другими, находить общий язык с людьми, учиться искать компромисс. Полагаю, нечто подобное вы и имели в виду, отправляя ее высочество в ваш мир. И именно это пытались втолковать своей дочери сегодня.

Ну, все же Бен не это имел в виду. У него вообще не было никакого четкого плана, хотя сейчас, услышав все это из уст друзей, король пришел к выводу, что идея кажется вполне разумной. Подобное предприятие – восстановление библиотеки – позволит Мистае заняться чем-то действительно важным и полезным. Она еще немного повзрослеет и, возможно, пересмотрит свое решение оставить Кэррингтонскую школу. Существование королевской библиотеки стало для Бена открытием. Но теперь, когда он узнал о Либирисе, нужно было что-то предпринимать.

– Но вы же не собирались отправить ее туда в одиночестве, верно? – уточнил король.

– Разумеется, нет! – оскорбился советник. – Я поеду с ней. Абернети тоже мог бы к нам присоединиться. Как только Мистая осознает всю грандиозность поставленной перед ней задачи и найдет удачное решение, мы найдем рабочих и плотников. Но это будет целиком и полностью ее собственный проект. Мы сделаем все согласно ее указаниям, от начала и до конца.

Бен еще раз обдумал эту идею.

– Ну хорошо. Мне нужно обсудить ваше предложение с Ивицей, и тогда мы вместе примем окончательное решение. Но мне кажется, вы что-то от меня скрываете.

Бен пожалел о своих словах в ту же секунду, как они сорвались с его языка, но вернуть их было уже невозможно. Королю оставалось только надеяться, что на сей раз все получится лучше, чем обычно.

Одновременно просияв, колдун и писец поклонились и с широкой улыбкой вышли из комнаты.

* * *

Как только дверь за ними закрылась, Абернети повернулся к Советнику.

– Возможно, следовало рассказать ему все, – шепнул он.

Придворный волшебник покачал головой – по большей части потому, что усы Абернети противно щекотали ему ухо.

– У нас будет достаточно времени для этого. Королю не обязательно узнавать обо всем прямо сейчас. – Колдун поспешно оглянулся через плечо. – Кроме того, мы же не знаем наверняка, там ли *он* еще. Возможно, отправился дальше... Когда ты в последний раз навещался в Либирис?

– Не помню.

– Вот видишь? Могло случиться все что угодно. К тому же что с того, если он по-прежнему живет там? В конце концов, мы втроем вполне можем с ним потягаться.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянул Абернети. – Красвелл Крэббит – ужасно умный тип. Никогда не доверял ему.

– Что ж, тем больше причин поскорее от него избавиться. На самом деле будет лучше предложить это королю до нашего отъезда, как только он примет решение отправить Мистаю в библиотеку. А Бен это сделает. По его голосу я сразу понял, что идея пришла по нраву. В любом случае мы будем рядом с принцессой. Что может случиться?

Раздумывать над этим вопросом Абернети совершенно не хотелось, поэтому писец поспешил выкинуть его из головы.

Глава 5

БРАЧНЫЙ ПЕРИОД ЛЯГУШОНКА

Тем же вечером, когда они наконец остались одни, Бен обсудил со своей женой предложение Тьюса и Абернети отправить Мистаю в Либирис. Ивица согласилась с тем, что этот проект был достоин времени и сил их дочери, но все же посоветовала мужу не разговаривать с ней приказным тоном. Куда лучше было бы заинтересовать Мистаю этой затеей, попытаться пробудить все неординарные способности и позволить ей самой принять окончательное решение.

– А если она откажется?! – возмутился Бен.

– В таком случае нужно предоставить Мистае больше времени, чтобы все обдумать. Не настаивай на своем. Она очень своевольная и может ответить отказом, чтобы испытать тебя.

– Испытать меня?! С чего бы ей захотеть меня испытывать?

Ивица проигнорировала этот вопрос.

– Спроси ее мнения еще раз через несколько дней. Если Мисти и тогда откажется, ненавязчиво поинтересуйся, чем в таком случае ей бы хотелось заняться. А потом мягко скажи, что остаться в Чистейшем Серебре и учиться у советника и Абернети – не выход. Она уже слишком взрослая для этого.

Бен ничего не понимал. Зачем нужно ходить вокруг да около на цыпочках, когда можно уладить вопрос одним махом? Он никак не мог перестать воспринимать Мистаю как обычную пятнадцатилетнюю девчонку, ребенка по сути, несмотря на все ее таланты и необычайно высокий уровень развития. Король считал, что его дочь не может действовать независимо и принимать самостоятельные решения. Особенно если они могут повлиять на всю ее дальнейшую жизнь. Ведь Мистая сама навлекла на себя все эти неприятности – она не соблюдала правила Кэррингтона, из-за чего администрация была вынуждена отправить девочку домой. Дочь должна быть благодарна уже за то, что Бен не настаивает на ее немедленном возвращении в школу. Непослушная девчонка должна быть счастлива выполнить любую его просьбу после такого проступка!

Ивица посоветовала мужу вообще ничего не предпринимать как минимум неделю, чтобы позволить Мистае обустроиться без напряженного обсуждения ее дальнейшей жизни. Она должна немного отдохнуть, так что короткие каникулы не помешают. Пусть пока занимается чем хочет, а потом уже можно и обсудить, чего она ожидает от будущего.

– Мне кажется, ей это сейчас очень нужно, – улыбнулась сильфида и склонилась к мужу, чтобы поцеловать его. – Не забывай, чья это дочь.

Бен и так все прекрасно помнил, он попросту не понимал, при чем здесь это. Ивица то и дело повторяла эти слова, но король не видел в них смысла. Напротив, раз Мистая его дочь, значит, она должна походить на отца гораздо больше.

В любом случае спорить Бен не стал. Он сказал советнику и Абернети, что они с женой обдумали их предложение, сочли его вполне подходящим и вскоре поговорят об этом с Мистаей. Король попросил друзей до этого момента ничего не рассказывать девочке. Оба, похоже, были ничуть не против, но украдкой обменялись взглядами, когда Бен заметил, что, по сути, торопиться некуда.

Следующая неделя пролетела очень быстро. Король был занят своими обязанностями, которые включали пересмотр нового плана водоснабжения, воплощение которого пришлось отложить из-за лордов Зеленой Долины, настоящих феодалов, не желавших сотрудничать, даже несмотря на прямой приказ короля. Он прекрасно знал, к чему это приведет, – придется лично отправиться в Долину или, по меньшей мере, послать туда своего представителя. Но Бен не спешил. В конце концов, это их земли, их владения, и нужно дать лордам шанс самим решить

внутренние проблемы. К тому же пошли новые жалобы на кыш-гномов – несколько групп начали показываться в тех местах, где им были не слишком рады (в общем-то так было почти везде), но в особенности в тех районах Заземелья, где еще вчера этот шустрый народец не рискнул бы появиться. Данная проблема тоже требовала внимания одного из приближенных – вероятно, советника или Абернети, – которому придется посетить несколько уголков страны, где бесчинствовали мелкие паршивцы. Иногда Бен очень жалел, что не может просто выделить участок земли и заселить его этими чертовыми гномами, но, увы, по самой своей природе это был кочевой народ, поэтому вряд ли подобный план сработал бы. В том, что касалось кыш-гномов, вообще мало что могло сработать.

Мистая не давала больше поводов сердиться на нее. Она почти не попадалась на глаза отцу и занималась какими-то своими делами. Даже советник и Абернети признались, что редко видят принцессу, так как она ни разу не попросила у них помощи или совета. Никто не знал, чем девушка занята, но до тех пор, пока она никому не мешала и не доставляла никаких неприятностей, Бен был готов позволить дочери развлекаться в свое удовольствие.

За все это время произошло лишь одно странное событие. Сапожок, придворный гонец и самопровозглашенный телохранитель его величества, попросил прощения за то, что подвесил к дереву кыш-гнома. Он, изъясняясь на странном и почти непереводаемом языке кобольдов, пообещал больше так не поступать без королевского разрешения, но объяснять, что сделал маленький негодяй, не стал. Сапожок лишь старательно оскалил зубы, дабы произвести нужный эффект, а затем удалился. Бен не имел ни малейшего представления о том, что кобольд имел в виду, и пришел к выводу, что лучше ему не знать.

Семь дней спустя, когда король собирался просветить Мистаю насчет перспективы отправиться в Либирис, к воротам замка подошел Легуж из Риндвейра и потребовал аудиенции у его величества.

Подобные визиты никогда не были для Бена радостным событием. Отец гостя, Каллендбор, был лордом Риндвейра, самого большого поместья в Зеленой Долине, и довольно серьезным и опытным противником, который сделал все, что было в его силах, дабы предотвратить воцарение нынешнего короля Заземелья. Пять лет назад, однако, Каллендбор перешел все границы, заключив союз с Ночной Мглой, чтобы избавиться от Бена и заставить Мистаю поверить, будто на самом деле она является дочерью ведьмы. План провалился, и лорд поплатился жизнью за свое предательство.

Бен посчитал, что со смертью врага закончатся все проблемы с феодалами из Зеленой Долины, но жестоко ошибся. В настоящий момент этим краем управляли двадцать семей, и, когда лорды погибали или умирали от старости, их заменяли сыновья – если, конечно, они были. Если нет – более крупное и сильное поместье поглощало освободившиеся земли. Одни умирали, другие занимали их место, и до тех пор, пока все были преданы королю, Бен был готов предоставить им определенную свободу действий, исключая вопросы, от которых зависело благополучие всего королевства, – например, как в случае с этим проектом водоснабжения. От успеха зависела возможность выращивать стабильные урожаи, кормившие все уголки страны, в том числе и Зеленую Долину.

Погибший Каллендбор оставил троих сыновей и столько же дочерей. Старший – молодой человек с очень тяжелым характером, но тем не менее способный прислушиваться к доводам рассудка, – стал новым лордом Риндвейра в соответствии с правилами передачи власти по наследству от отца к сыну. Но он продержался всего лишь полтора года, а потом погиб при весьма загадочных обстоятельствах. Его место занял средний сын, и снова стали происходить странные вещи. Сначала исчез младший сын, а его мать была заключена в башню, из которой не имела права выходить. Всех сестер правитель запер в замках других могущественных лордов. Девушкам было строжайше запрещено выходить замуж и рожать детей без ведома брата. Вскоре после этого новый лорд Риндвейра сам женился. От жены господин избавился после

того, как она не сумела подарить ему наследника. Вторую постигла та же участь. Сейчас лорд жил со своей третьей избранницей, так как она родила ему сына.

В некоторых районах Заземелья такое поведение вызвало бы всеобщее негодование, однако в Зеленой Долине господствовали феодальные нравы и подобное положение дел считалось вполне приемлемым. Бен ждал, что рано или поздно одна из сестер придет к нему с жалобой, и тогда у короля появится законное право вмешаться, но этого не произошло.

Все из-за второго сына Каллендбора, Бервина Ле гужа.

Если с первым сыном справиться было сложно, но возможно, то этот оказался совершенно неуправляемым. Ему исполнилось всего двадцать шесть лет, но молодой человек уже успел решить, что сама судьба вмешалась и сделала его лордом Риндвейра. Весь мир соответственно должен возблагодарить Небеса за то, что именно Легуж был рожден для этой роли. Отец никогда не любил его и наверняка перевернулся бы в гробу, узнав, что сын, которого он считал годным лишь для лакейской службы, стал его преемником.

Легужу никто не мог отказать в уме и изворотливости, но он был отнюдь не тем человеком, который играет по правилам. Он изворачивался, лгал и никогда не вступал в открытое сражение один на один, но преспокойно мог отравить соперника при первом же удобном случае. Новый лорд Риндвейра оказался низким и подлым типом, не терпел, когда ему противоречат, и не выносил проявления независимости в других. Он был деспотичен до крайности и вызывал разумные опасения даже среди других лордов. Ни один из них не доверял Легужу, включая и тех, кто согласился принять его сестер. На собраниях совета он был постоянной головной болью. Лорд Риндвейра считал, что знает все лучше окружающих, и не упускал возможности напомнить об этом. В результате его нигде не встречали с распростертыми объятиями и намеренно не приглашали на празднества, если при этом можно было не казаться невежливыми.

Для Бена он успел стать настоящей напастью.

Легуж почти не скрывал своей глубочайшей уверенности в том, что он будет лучшим королем, если, конечно, представится шанс доказать это. Вслух, разумеется, новоиспеченный лорд Риндвейра о своей убежденности не упоминал, но демонстрировал ее при каждом удобном случае. Он то и дело бросал вызов Бену, куда чаще, чем остальные лорды Зеленой Долины, поэтому король считал, что здесь требуется не только твердая рука, но и ежовые рукавицы. Разумеется, до открытого восстания дело не дошло, но лорд все время был на грани. Он сомневался во всем, что Бен говорил или делал. Его обращения к королю всегда граничили с дерзостью, а неспособность выполнять приказы была вызвана в большей степени нежеланием, нежели глупостью. Легуж появлялся, когда ему это было удобно, и держался в стороне, если был занят своими делами. Он изображал редкостную забывчивость и постоянно жаловался на обилие срочных дел. Лорд Риндвейра мастерски изобретал самые разные предлоги и отговорки, и, по мнению Бена, этим его таланты не ограничивались.

В довершение всего его внешность и манера держаться были довольно странными. Хотя Бен пытался не думать подобным образом, однако вскоре понял, что ничего не может с собой поделать. Начало было положено Абернети, который после первого же визита Легужа объявил, что отныне будет называть его исключительно Лягушонком. Конечно, это была своего рода игра слов, но именно это животное немедленно приходило на ум, стоило вспомнить выпученные глаза и раздражающую привычку лорда то и дело быстро облизывать губы. Писец, не терпевший дерзости и неумения вести себя как подобает, особенно в присутствии Бена Холидея, сразу же воспылал неприязнью к Легужу. Впрочем, немалую роль сыграл и тот факт, что последний в лицо назвал Абернети собакой в свой самый первый визит и продолжил бы издевательства, если бы король не оборвал его. Отчасти Легуж был настолько нелюбим среди остальных лордов именно потому, что любил отпускать грубые замечания об окружающих.

Бену этот тип понравился ничуть не больше, чем Абернети или советнику – колдун вообще терпеть его не мог, – поэтому удачное прозвище прижилось и в его собственных мыслях о лорде Риндвейра.

Сей достойный человек не посещал их уже несколько месяцев, и обитатели замка начали было надеяться, что он никогда не вернется. Перерыв был как нельзя более желанным для них всех, но, видимо, он подошел к концу.

– Чего ему надо? – спросил Бен, услышав о визитере.

– Он не сказал, – отозвался Абернети. – Утверждает, что его слова предназначены лишь для королевских ушей. – Писец поднял руку. – Но при этом он был вежлив.

Бен нахмурился:

– Что?!

– Улыбчив и добродушен. Говорил исключительно дружелюбно, соблюдал все правила этикета, не выразил ни малейшего неудовольствия чем-либо и ни разу не использовал, обращаясь ко мне, термины из области собаководства.

– Не похоже на Легужа.

– Это точно. – Уши Абернети встали торчком. – На вашем месте я был бы очень осторожен.

Бен кивнул:

– Непременно. Что ж, пригласи его в Восточную комнату. Я сделаю, как он хочет, и представлю ему аудиенцию.

Когда писец ушел, Бен направился в Восточную комнату, где обычно проходили встречи с посетителями благородных кровей, и попытался подготовить себя к тому, что его ожидало. Король был одет не самым подобающим образом для приема гостей, поскольку запланированных на сегодня визитов не было, но не видел ни малейшей необходимости менять костюм – в конце концов, это всего лишь Легуж. В итоге Бен лишь набросил легкую мантию и вынул свой серебряный медальон из-под одежды, чтобы лорд заметил его. На поверхности украшения был выгравирован рыцарь в полном боевом облачении, сидевший на огромном коне и освещенный лучами утреннего солнца, поднимавшегося над замком посреди острова.

Этим замком было Чистейшее Серебро. Рыцарем – Паладин.

Волшебное королевство Заземелья продал Бену Холидею весьма хитроумный мошенник, а по совместительству и волшебник по имени Микс. Он-то и вручил очередному претенденту медальон. Микс пришел в мир Бена и занялся продажей и перепродажей королевства и титула людям, считавшим себя способными занять эту должность. Но все они были заведомо обречены на неудачу. Холидей должен был стать одним из проигравших, но, к удивлению Микса, да и к своему собственному, нашел способ преодолеть все препятствия, что еще никому не удавалось.

Своим успехом Бен был в немалой степени обязан этому медальону.

Он остановился на мгновение, чтобы снова рассмотреть драгоценность. Только короли Заземелья имели право носить медальон, это был одновременно символ их власти и талисман, позволявший свободно перемещаться в другие миры. Его нельзя было отобрать силой, только получить честным путем. Бен никогда не снимал украшение. Уберите этот медальон – и король превратится в чужака, изгнанника. Это он понял очень хорошо благодаря уроку, преподанному ему Миксом, который сумел с помощью заклинания убедить Бена в том, что правитель якобы снял медальон и отдал его колдуну – только так можно было заставить Холидея потерять контроль над королевством. Преодолев множество опасностей, Бен разгадал коварный план и с тех пор не спускал с медальона глаз.

Но у него было и другое применение, более важное, о котором король узнал случайно в тот момент, когда ему угрожала смерть. Этот медальон был связующим звеном между ним и Паладином, рыцарем, защитником королей Заземелья. До тех пор пока он висел на шее вла-

дельца, тот обладал возможностью призвать Паладина для защиты от врагов. В стране, где правителя на каждом шагу подстерегали опасности, это было совсем не лишним. Рыцарь спасал жизнь Бена бесчисленное множество раз с тех пор, как тот предъявил свои права на престол. Без медальона новоиспеченный король недолго бы продержался на троне.

Только Бен знал всю правду о силе этого куска серебра. Никто не знал тайны, кроме Ивицы, которой король решился довериться далеко не сразу.

Медальон соединял короля и Паладина потому, что первый был воплощением второго.

Бен Холидей сам становился Паладином.

Когда король призывал рыцаря, тот словно появлялся из ниоткуда, материализовался из воздуха, как призрак. Он всегда был готов к битве: верхом на коне, полностью вооружен и в боевом облачении. Паладин защищал Бена, но при этом затягивал его в глубь своей сущности, делал его частью себя. Сила короля определяла силу рыцаря.

Но было и еще кое-что. Паладин нес в себе воспоминания обо всех сражениях, в которых ему довелось участвовать за всех королей Заземелья, когда-либо правивших этой землей. Память эта была суровой, жестокой, окрашенной кровью и смертью. Эти образы всплывали на поверхность в тот же миг, когда воин сливался с королем. В обмен на защиту они влияли на сущность владельца медальона, переполняли его жаждой крови, поглощавшей все остальные чувства и мысли. Он сам становился воином, пережившим бесчисленное количество битв. Все остальное оказывалось забытым; единственное, что имело значение, – победа любой ценой. Битва становилась всем.

И пока король был Паладином, пока он сражался, ничто больше не имело смысла, только бой до смерти.

Впоследствии Бен каждый раз поражался тому, до какой степени во время боя его переполняли первобытные чувства. Сражаясь в облачении Паладина, он наслаждался ими, упивался пробужденной боевой яростью, с восторгом ощущал остроту самой жизни. Но потом на короля накатывали опустошенность и ужас, и каждый раз он надеялся, что больше рисковать не придется.

Потому что втайне он боялся, что однажды не сможет вернуть собственную сущность.

Даже сейчас, столько лет спустя, Бен чувствовал вес этой темной, мрачной тайны. Он никому не мог рассказать о ней, хотя ноша была слишком тяжела. Секрет принадлежал ему одному, так и станет до конца отведенного ему времени. Вспоминая о Паладине, Бен испытывал отвращение к его жажде крови, но в то же время не мог забыть яркость ощущений при превращении и понимал, что будет рад следующему. Комбинация этих противоречивых чувств не на шутку беспокоила короля, и, хотя он изо всех сил пытался примириться с ними, пока его старания были тщетными.

Бен был погружен в размышления, когда внезапно раздался стук, и, прежде чем он успел ответить, тяжелые двери распахнулись, и в комнату вошел Легуж Риндвейрский.

Король начал было подниматься на ноги, но тут же сел, пораженный, не веря собственным глазам.

Легуж всегда одевался в черное. Всегда. Бен полагал, что причина этого кроется в желании произвести впечатление – то ли на окружающих, то ли на самого себя. Однако сегодня Легуж обрядился в белое, причем такого ослепительного оттенка, что если бы на этом месте был кто-то другой, то его можно было бы сравнить с ангелом. Белые ленточки и кружева украшали манжеты, плечи и локти костюма, вокруг талии два раза был обернут пояс, стройное тело прикрывал белоснежный плащ длиной до самого пола.

Еще и широкополая шляпа. С плюмажем из перьев!

Для начала нужно сказать, что Легуж не был крепким, широкоплечим мужчиной. На самом деле он был невысоким и тощеньким, черты его лица – острыми, черные волосы торчали в разные стороны, как тонкие шипы. Во всем его внешнем виде отражались подлость

и предательство, а в каждом движении проскальзывала быстрота хорька. Но сегодня, в этом белоснежном наряде, Легуж напомнил королю долговязую цаплю.

«Что за чертовщина?» – спросил Бен самого себя.

Лорд Риндвейра приблизился одновременно шаркающей и подпрыгивающей походкой, снял свою шляпу и глубоко поклонился:

– Великий король, я ваш покорный слуга.

«Да уж, это будет тот еще денек», – подумал Бен.

– Лорд Легуж, – отозвался король, едва не обозвав его Лягушонком и удержавшись в последний момент. Он указал на стул по правую руку от себя. – Прошу вас, присаживайтесь.

Легуж красивым, театральным жестом отбросил в сторону мешающийся плащ и удобно устроился на стуле. Бен никак не мог заставить себя перестать глазеть на незваного гостя. На мгновение королю в голову пришла нелепая мысль, что, возможно, Легужа похитили пришельцы из космоса и заставили облачиться в один из своих странных костюмов. Но в остальном посетитель выглядел как обычно: выпученные глаза, то и дело высовывающийся язык, острые кончики черных волос, стоящих дыбом...

Бен моргнул. У Легужа были чернильно-черные, бездонные глаза с хитрой искоркой; взгляд был холодным и расчетливым. Король припомнил предостережение Абернети и поспешил отвести в сторону свое удивление и всплеск веселости. Счесть лорда Риндвейра безобидным чудачком – не самая удачная идея.

– Что привело вас в Чистейшее Серебро? – с улыбкой спросил Бен как ни в чем не бывало.

– Дело крайней важности, великий король, – отозвался Легуж с неожиданно серьезным выражением лица. Затем он улыбнулся. – Я вижу, мой наряд удивил вас. Не привычный черный цвет. Причина этой перемены как раз и привела меня сюда. Видите ли, черный совершенно не соответствует цели моего визита. Белый подходит куда больше, и я решил продемонстрировать серьезность моих намерений, одевшись соответственно.

Бен кивнул, гадая, к чему он клонит.

– Я прекрасно понимаю, что следовало бы отправить гонца с просьбой об аудиенции, но, боюсь, мне бы не удалось выдержать столь длительного ожидания, мой король. Едва решившись, я не мог поступить иначе, как только приехать сюда сразу же в надежде, что вы согласитесь предоставить аудиенцию. Вы меня не разочаровали, и я преисполнен благодарности.

«Значит, его действительно захватили пришельцы, – мелькнуло в голове у Бена. – Легуж, которого мы знали и всем сердцем ненавидели, исчез и сменился кем-то совершенно неузнаваемым. – Бен сразу же поспешил взять себя в руки. – Вполне вероятно. С другой стороны, возможно, и нет».

– Итак, какое же дело привело к нам лорда Риндвейра? – спросил он.

Легуж важно выпрямился, словно набираясь храбрости:

– Верховный лорд, я понимаю, что в прошлом был не самым хорошим соседом. Знаю, что порой со мной очень нелегко, поскольку я проявлял упрямство и даже грубость. Прошу, отнесите это на счет моей молодости и неопытности. Надеюсь, вы найдете в своем сердце силы простить меня.

– Мне нечего прощать, – пожал плечами Бен.

– Вы слишком добры, великий король. Но я знаю, что вел себя недопустимым образом, и приношу вам свои извинения за каждую дерзкую фразу. Я хотел бы начать все сначала и надеюсь, что наши новые отношения будут долгими и плодотворными.

Бен улыбнулся и кивнул, подумав: «Что же он замышляет?»

– Также я намерен стать добрым другом ваших придворных, начиная с советника Тьюса и Абернети, с которыми я зачастую обходился очень скверно. Теперь это все осталось в прошлом и никогда не повторится. – Легуж быстрым движением облизнул губы и помолчал, собираясь с

мыслями. – Ваше величество, я прибыл сюда, чтобы просить руки вашей дочери Мистаи, ибо желаю вступить с ней в брак.

Как ни старался Бен подготовиться к разговору, незваному гостю все же удалось застать его врасплох. Король был так потрясен, что несколько секунд просто тупо смотрел на собеседника.

– Вы хотите жениться на Мистае?! – наконец выдавил он.

Легуж с энтузиазмом закивал:

– Всем сердцем. Полагаю, это будет прекрасный союз для нас обоих.

Бен наклонился вперед.

– Но ей всего пятнадцать.

Легуж снова кивнул:

– Она, конечно, старше, чем мне бы хотелось, но по-прежнему достаточно молода, чтобы обучиться всему. Мы составим прекрасную пару – девушка, верная жена и помощница, и я, сильный защитник и преданный муж. Мистая достаточно молода, чтобы родить много детей, которые, как я надеюсь, будут сыновьями, и мне будет кому оставить свои владения. У вашей дочери приятное лицо и характер ему под стать. Она умна, но не чрезмерно. Именно такую женщину я всегда мечтал отыскать.

Бен продолжал пораженно смотреть на него.

– Я что-то пропустил? У вас вроде бы уже есть жена? И сын, наследник?

Легуж внезапно погрузнел:

– Очевидно, вы еще не слышали об этом, милорд. Иногда плохие вести распространяются слишком медленно. Мой сын подхватил лихорадку и умер – еще не прошло и двадцати дней. Жена, вне себя от горя, покончила с собой. Сейчас у меня нет ни спутницы жизни, ни наследника, и, хотя я предпочел бы длительный период траура, долг повелевает поступить в интересах моих подданных. Это означает, что мне придется найти другую жену и как можно быстрее обеспечить свою страну наследником. – Он помолчал, покачивая головой. – Даже будучи охваченным горем, я сразу же подумал о Мистае.

Вот оно что. Внезапно Бену захотелось свернуть тощую шейку своего посетителя. Он мог это сделать прямо здесь, в этих самых покоях, и никто ничего не узнал бы. Даже если бы Абернети или советник обо всем догадались, они не проронили бы ни слова. Этот порыв был настолько всепоглощающим, что Бен бессознательно сжал кулаки. Спohватившись, он заставил себя расслабиться и откинуться на спинку кресла.

– Ваша преданность долгу достойна похвалы, – осторожно произнес король, пытаясь придумать, как лучше всего закончить этот разговор.

– Как я понимаю, Мистая только что вернулась из школы, находящейся в мире, который некогда был вашим, Верховный лорд, – улыбнулся Легуж, снова быстро облизнув губы. – Я вижу, она не намерена возвращаться туда, напротив, хотела бы остаться здесь, в Заземелье. Что ж, так будет только легче организовать свадьбу. Это и впрямь достойный союз, вы не находите?

Бен, однако, был слишком умен, чтобы изложить собеседнику свое честное мнение об этой затее. Помимо этого, он прекрасно понимал, какие формы имеет семейное право среди лордов Зеленой Долины. Взять новую жену, чтобы произвести на свет наследников, было стандартной практикой. При этом предпочтение отдавалось юным девушкам, поскольку они могли родить много детей. Браки организовывались исключительно между правящими семьями, образуя таким образом прочные союзы и усиливая имеющиеся дружеские связи. В целом предложение Легужа вполне укладывалось в эти рамки.

С другой стороны, об этом не могло быть и речи. Даже если не принимать в расчет мнение самого Бена и его жены, Мистая с криками ужаса сбежит из дома, стоит только упомянуть о смиренной просьбе лорда. Она ненавидела Легужа, который все время стремился ласково похлопать ее по руке или поцеловать в щеку. Появись причина и возможность – и Мистая с

удовольствием и без зазрения совести превратит его в настоящего лягушонка. Собственно, давно бы уже превратила, невзирая на то, что Бен предупреждал дочь не использовать никакую опасную магию. Король всячески пытался ее увещевать, говоря, что ему приходится жить и работать с подобными людьми и нет никакого смысла еще больше усложнять и без того непростые отношения с подданными.

Бен сейчас почти пожалел о том, что не позволил дочери исполнить это желание.

– Милорд, это дело потребует внимательнейшего рассмотрения, – наконец произнес король. – Я должен обсудить ваши намерения со своей королевой. К тому же... мм... Необходимо сообщить Мистае.

– Ну разумеется, разумеется! – тут же согласился Легуж. – За девушкой нужно ухаживать, я понимаю. Необходимо завоевать ее сердце. У меня и в мыслях не было требовать ее руки, прибегая к вашему авторитету. Мистая конечно же должна сама согласиться на свадьбу.

Бен почувствовал, что напряжение несколько спало. Если Легуж хочет, чтобы Мистая дала свое согласие... Свадьба будет после дождика в четверг!

– Я рад, что вы придерживаетесь такого мнения.

Легуж поднялся, низко поклонился, снова взмахнув своей белоснежной шляпой, и выпрямился:

– Я вернусь домой и буду ожидать вашего решения. Но я хочу подчеркнуть, что очень надеюсь начать ухаживать за принцессой, как только вы дадите положительный ответ. Как уже было сказано, я ощущаю настоятельную потребность ускорить процесс – таков мой долг как правителя перед своим народом.

– Я прекрасно вас понимаю, – заверил его Бен, также поднимаясь. – Вы очень скоро получите от меня весточку.

Он проводил подпрыгивающего и одновременно шаркающего посетителя взглядом до дверей, гадая, как ему поступить в этой ситуации.

Глава 6

ВЗАИМОНЕПОНИМАНИЕ

На некотором расстоянии от замка, хотя и не настолько далеко, чтобы не было видно сияющих шпилей на фоне темно-зеленых лесов, сидела Мистая, погруженная в разговор с Пьянчужкой о подобающем поведении. Дискуссия длилась уже несколько часов и отняла довольно много времени и сил у обеих сторон. Тот факт, что именно эти представители населения Заземелья увлеченно обсуждают данную тему, был сам по себе странным до невозможности. Бен Холидей по достоинству оценил бы иронию подобного времяпрепровождения, если бы имел возможность наблюдать за спорщиками. Вне всякого сомнения, король бы нашел нужные слова для своей дочери – например, он сказал бы, что некоторые в чужом глазу подмечают сучок, не видя в своем бревна. Или что не нужно бросать камни в чужой огород.

Ивица, с другой стороны, заметила бы, что иногда люди справляются со своими проблемами, пытаясь помочь другим. Этот способ удивительно эффективен, если чужие неприятности схожи по своей сути с вашими.

– Если ты хочешь, чтобы другие принимали и понимали тебя, обязательно нужно думать и об их чувствах, – сказала девушка с бревном в глазу гному с сучком.

Пьянчужка нахмурился:

– Да, но ведь о нас-то никто не думает. С нами попросту не хотят иметь дела. Кыш-гномы – изгнанники повсюду, у нас нет друзей в этом жестоком мире.

– Да, но, как я уже говорила, на то есть причины, – терпеливо объяснила Мистая. – Например, постоянное «одалживание» вещей, которые тебе не принадлежат, – не самый лучший способ зарекомендовать себя.

– Кыш-гномы не воры, принцесса! – взъерепенился Пьянчужка. – Мы находим потерянные вещи, которые потом продаем или меняем на что-нибудь. Это старинное и весьма почтенное занятие, которым наш народ уже много веков зарабатывает на жизнь. Знаешь ли, мы не заслужили такого обращения только потому, что не являемся умелыми ремесленниками или мастерами!

Мистая вздохнула. Их разговор все время ходил по кругу, без особого успеха.

– Пьянчужка, пойми, в чужих погребах и шкафах нельзя найти «потерянные» вещи. В домиках и хижинах это тоже невозможно! Как и в кухонных буфетах и кладовых, особенно если они заперты на замок или засов!

Пьянчужка, напоминавший обезьянку, скорчил кислую рожицу:

– Какие жестокие слова! Неприятные обвинения! – Он подумал пару секунд и внезапно просветлел. – А где доказательства?

– В твоем случае достаточно уже того, что я нашла тебя подвешенным к дереву за ногу разозленным кобольдом, который, по чистому совпадению, служит моему отцу!

– Это был не я! Они перепутали меня с кем-то другим! Может, там вообще побывал не кыш-гном, хотя некоторые из нас – как и некоторые из вас – не соблюдают все правила и законы племени. Но если ты настаиваешь на том, чтобы услышать мою версию, то я бы сказал, что наверняка это был другой кобольд – а может, и тот, который свалил всю вину на меня!

Он важно кивнул, преисполнившись чувства собственного достоинства, и Мистае захотелось как следует его треснуть.

– Сапожок никогда не врет, к тому же у него нет никаких причин воровать вещи, которые он и так может взять в любой момент, – заметила девушка. – Кроме того, Сельдерей тоже тебя видел. Полагаю, придется тебе подумать над своей версией получше. Видишь ли, Пьянчужка, факт остается фактом: тебя поймали там, где ты вообще не должен был находиться. Тебя никто

не просил заглядывать в кладовые и на кухню. Вот тебе пример того, что ты был там, где не должен был находиться, с целью, которая идет вразрез с интересами всех остальных.

Кыш-гном надулся:

– Я заплатил бы за все, ты же знаешь. Со временем.

– Давай начнем с того, что тебе вообще не следовало ничего брать, тогда не пришлось бы и беспокоиться о расплате. Ты мог бы просто попросить то, что нужно. Возможно, Сельдерей дал бы тебе желаемое. В следующий раз первым делом зови меня.

Но тот покачал головой:

– Нет, я так не могу. Ты же принцесса. Кто скажет принцессе, что ее зовет такой, как я? Девушка отбросила назад прядь белокурых волос.

– Мы отошли от темы. Я с тобой обсуждала воспитание и хорошие манеры. Точнее, их отсутствие. Кыш-гномы больше всего страдают оттого, что не желают понимать важность воспитания и то, каким должно быть правильное поведение. Если они хотят, чтобы другие их принимали и не гнали прочь, придется сначала заработать уважение окружающих.

Пьянчужка фыркнул.

– И каким чудом это можно сделать? У всех уже сложилось свое мнение о нас.

– А вы ничегошеньки не делаете, чтобы это мнение изменить! Мало, что вы «находите» разные вещи в чужих домах, так еще и постоянно воруете домашних животных, иногда прямо из будок и загонов! А потом сжираете!

– Это ложь! – Пьянчужка вскочил на ноги и взмахнул руками, его лицо сморщилось от негодования и стало похожим на грецкий орех. – Мы не едим чужих животных! Мы ловим диких тварей, которые бродят поблизости! Если они по чистой случайности оказываются чьими-то потерявшимися питомцами, что мы можем с этим поделать? Как их распознать? Люди сваливают все на нас, а своей вины ни в чем не видят! Если бы они лучше присматривали за своей живностью, ничего подобного бы не происходило!

Мистая почесала кончик носа и улыбнулась:

– В таком случае почему бы вам вообще не перестать есть кошек и собак? Есть ведь куча других существ, которые сгодятся в пищу. Белки там, птички, мышки. Или даже болотных хлюпов – если, конечно, поймашь...

– Болотных хлюпов?! – с ужасом вскрикнул Пьянчужка. – А ты бы стала их есть?! А другие?

– Ну, я бы не стала, – согласилась принцесса. – С другой стороны, кошками и собаками я тоже не питаюсь.

Гном немного успокоился и снова сел.

– По-моему, ты просто не имеешь ни малейшего представления о том, о чем говоришь. – Он укоризненно посмотрел на свою собеседницу. – Мне кажется, ты плохо разбираешься во всем этом.

Мистая раздраженно сжала губы и кивнула.

– В таком случае просто подумай на досуге о том, что я сказала, – наконец предложила она. – А пока держись от замка подальше. Если понадобится еда, приходи и зови меня. Я скажу всем, что о твоём приходе нужно сразу же доложить мне. Такой вариант тебя устраивает?

Пьянчужка упрямо скрестил руки на своей тощей груди и сгорбился, отводя взгляд от Мистай.

– Может, я просто уйду. Я вернусь туда, откуда пришел, и забуду раз и навсегда о том, что хотел обрести здесь новый дом. Не думаю, что из этой затеи выйдет толк.

Девушка поднялась. Да уж, с такой логикой не поспоришь.

– Завтра я снова приду навестить тебя, – пообещала она. – Можем просто погулять и ни о чем не разговаривать, если хочешь.

Пьянчужка пожал плечами:

– Если у тебя есть свободное время.

Мистая ушла, а гном так и остался сидеть на месте, глядя в пустоту, притворяясь, что сказанное не имело к нему ни малейшего отношения, будто он выше всего этого. Принцесса впервые пришла сюда, чтобы поговорить с Пьянчужкой, после того, как услышала рассказ Сапожка о том, что ему пришлось в наказание подвесить за ноги к дереву одного мелкого поганца. Кобольд заверил ее, что просто хотел проучить гнома – может, тот перестанет так поступать. Сапожок и Сельдерей клятвенно обещали, что это не повторится, но Мистая отнюдь не была уверена в том, что данное слово будет что-то для них значить. Кобольды прославились отнюдь не своим добродушием, и даже несмотря на то, что оба были ее друзьями... Скажем так, у дружбы тоже есть свои пределы.

Направляясь обратно к замку вдоль рощицы Лазурных Друзей, Мистая никак не могла решить, что ей сказать гному, чтобы заставить его понять. Нужно было что-то делать, а не просто размышлять над сложившейся ситуацией. Теперь она бывшая ученица Кэррингтона, и принцесса никак не могла оставить эту часть своей жизни позади, не могла перестать мыслить как школьница. Отец ничего больше не говорил о ее образовании, не сказал ни слова о том, продолжат ли советник и Абернети обучать принцессу, как и раньше, но у Мистай было предчувствие, что он что-то задумал. Никто ни единым словом не обмолвился о том, какая идея посетила короля, даже ее два бывших наставника, которые в ответ на расспросы принцессы только хмыкали, мастерски уводили беседу в сторону и вообще говорили очень уклончиво.

И теперь Мистая пришла к выводу, что было бы очень неплохо разработать собственный план на этот счет, подыскать какой-нибудь проект, который убедит отца в том, что его дочь в состоянии заниматься чем-то осмысленным и полезным. Принцессе всегда хотелось помогать отверженным и обездоленным, а кто в Заземелье лучше подходил под это описание, если не кыш-гномы? Если только ей удастся продемонстрировать свои способности и изменить в лучшую сторону хотя бы одного из них, то шансы поработать с остальными существенно возрастут.

Однако Пьянчужка оказался крепким орешком и совершенно не желал сотрудничать, поэтому Мистая постепенно пришла к мысли, что задача, которую она поставила перед собой, окажется гораздо труднее.

Девушка по-прежнему так и этак пыталась решить эту дилемму, почти не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Она уже вышла из леса и направилась по дороге, ведущей к замку Чистейшее Серебро, как вдруг столкнулась нос к носу с Легужем, лордом Риндвейра, и его свитой. Шесть или восемь всадников, не считая возницы, правившего упряжкой. Сам знатный господин ехал в карете. По-прежнему погруженная в размышления о Пьянчужке и свои планы по перевоспитанию кыш-гномов, Мистая даже не сразу поняла, кто перед ней. Довольно долго она стояла на месте после того, как процессия замерла и всадники окружили ее. К этому времени было уже поздно спастись бегством.

Легуж тут же распахнул дверцу кареты, выскочил оттуда и заторопился к девушке.

– Принцесса Мистая! – тепло обратился он к ней. Отвратительный язык быстро облизнул губы, когда мерзкий тип низко поклонился.

– Лорд Легуж, – осторожно отозвалась Мистая, едва сдержавшись, чтобы не назвать его Лордом Лягушонком. Она слишком часто слышала это прозвище из уст Абернети и сама не заметила, как начала его использовать.

– Как чудесно снова увидеть вас! – восторженно воскликнул тот.

Он схватил правую руку девушки и начал покрывать ее чмокающими поцелуями. Не без усилий Мистая высвободилась из его пальцев и многозначительно нахмурилась:

– Полагаю, все же не настолько. Но благодарю вас за комплимент.

Принцесса научилась дипломатии при дворе своего отца. Нужно всегда оставаться вежливой, даже если больше всего на свете в отдельные моменты хочется прямо противоположного.

– Я не смел даже надеяться, что фортуна будет столь благосклонна ко мне и я повстречаю вас лично во время своего визита! Но теперь, когда состоялось наше randevu, я склонен счесть его знаком благосклонности судьбы!

Девушка кивнула, внимательно рассматривая непривычный наряд лорда.

– Прошу прощения, но что это на вас такое надето? – спросила она, не в силах удержаться. – Почему вы не в черном?

– А, вы, со свойственной вам проницательностью, зрите в самую суть! – отозвался Легуж, многозначительно подмигнув принцессе. – Мой наряд сегодня другого цвета, поскольку и визит мой не вполне обычен. Причина, по которой я решился посетить вашего отца, совсем иная, нежели те, что обычно приводят меня в Чистейшее Серебро. Я желал побеседовать с его величеством о вас.

– Вот как? – Мистая ощутила, как ее пронизывает неприятный холод. – Обо мне?

– Я попросил королевского разрешения на то, чтобы начать ухаживать за вами с целью вступить в законный брак. Я хотел бы, чтобы вы стали моей женой и ма терью моих детей! – заявил Легуж, сняв с головы шляпу и отвесив еще один низкий поклон. – Я намерен жениться на вас, Мистая.

Это было очень нелегко, но принцесса сумела сохранить нейтральное выражение лица, скрыв свои истинные чувства по этому поводу.

– В самом деле?

– Ваш отец уже сказал мне, что обдумает мою просьбу. Я же тем временем буду регулярно навещать вас. Надеюсь, вы скоро поймете, что мы просто созданы друг для друга.

«Размечтался», – подумала про себя Мистая. Но что там Лягушонок сказал о ее отце? Что тот обдумает его предложение? О чем тут думать?! Отец должен был отказаться сразу же, без всяких размышлений!

– Лорд Легуж, – с этими словами девушка одарила собеседника своей самой очаровательной улыбкой, – мне казалось, вы уже женаты. Разве у другой женщины нет на вас прав?

Восторженное выражение на его лягушачьем лице несколько потускнело, сменившись легкой мрачностью.

– К сожалению, нет. Произошла ужасная трагедия. Мой сын внезапно скончался менее двух недель назад. Мой дорогой маленький Эндраттен... Его жизнь унесла лихорадка. Моя жена, не сумев перенести это горе, последовала за ним в мрачные владения смерти, и теперь, когда оба ушли, я остался один, без семьи, без родных.

– Мне очень жаль, я не знала об этом, – произнесла Мистая, смутившись от своей нечаянной бестактности.

Она помнила его жену, бледную стройную женщину со светлыми волосами и печальным взглядом. Об их браке ходило много слухов, и никто не говорил ничего хорошего. Сына и наследника лорда девушка никогда не видела.

Легуж в очередной раз поклонился:

– Ваши соболезнования – бальзам на мои раны.

– Но я, честно говоря, полагала, что в таких случаях траур продолжается более долгий срок, – уверенно заметила Мистая. – Перед тем, как начать ухаживать за кем-либо.

Но новоявленный ухажер только покачал головой, словно принцесса понятия не имела, о чем говорит.

– Я буду скорбеть о них вечно. Но честь призывает к иному, и я обязан повиноваться. Лорду Риндвейра необходимы жена и сыновья – лишь в этом случае он может выполнить долг. Я не имею права оставить владения без наследника даже на тридцать дней. Лорд обязан представить своим людям преемника, чтобы они спали спокойно.

Что бы ни было причиной всего этого, Мистая была абсолютно уверена – его предложение совершенно не связано ни с долгом, ни с обязанностями лорда. Легуж что-то задумал,

и каким-то образом новые махинации привели его к порогу королевского замка. Принцесса решила поскорее запереть дверь – до того, как зло проникнет внутрь.

– Милорд, вряд ли я могу быть подходящей парой для вас, – заявила Мистая. – Я слишком молода, наивна и не имею ни малейшего представления о священных обязанностях жены. – На этой части девушке захотелось расхохотаться. – Боюсь, мне предстоит еще долго совершенствоваться в своих познаниях, получить высшее образование. Уверена, мой отец сообщил вам об этом.

Легуж склонил голову набок:

– У меня сложилось впечатление, что вас исключили из Кэррингтона.

Мистая уставилась на Лягушонка, не в силах поверить своим ушам. Затем ее охватил гнев, стоило девушке осознать, что лишь один-единственный шпион мог обеспечить лорда этой информацией.

– Я намерена продолжить обучение в другом месте. Он улыбнулся:

– Но это ни в коей мере не противоречит моим планам относительно вас. Принцесса, вы всегда можете получить достойное образование в Риндвейрском замке и учиться так долго и старательно, как вы сами того пожелаете. Мы обладаем властью нанять для вас достойных наставников, способных обучить любому предмету. – Он помолчал, а потом добавил: – За исключением тех, в которых учителем может быть лишь муж.

Девушка против воли залилась ярким румянцем:

– Милорд, я боюсь, вы не вполне верно понимаете сложившуюся ситуацию...

Внезапно Легуж шагнул вперед, встал совсем близко к девушке и склонился к ее лицу. Его выпученные глаза пристально смотрели на Мистую, словно она была непослушным ребенком, которого требовалось поставить на место. В его взгляде было какое-то властное, неприятное выражение, которое вызвало в ней отвращение и страх.

– Боюсь, это вы не вполне верно понимаете сложившуюся ситуацию, принцесса, – шепнул лорд. – Я вам объясню. Мне нужен этот брак. Я выбрал вас в качестве своей будущей жены, и вы ею станете. Не хочу, чтобы у вас оставались иллюзии, будто это можно каким-то образом изменить. Даже королю это не под силу. – Легуж помолчал. – Уверен, скоро представится возможность осознать правдивость моих слов. Вы сами придете к верному решению и исполните свой долг по отношению ко мне. Вот увидите: как только вы это сделаете, все станет намного проще.

Он сделал шаг назад, но угроза не исчезла из его взгляда. «Жених» схватил Мистую за руку и крепко стиснул ее запястье:

– Мне никто не бросает вызов, принцесса. А в тех редких случаях, когда находятся смельчаки, последствия бывают весьма и весьма неприятными для них.

Внезапно девушка вспомнила о его жене и ребенке. Оба погибли. Потом о его старшем брате, который скончался при невыясненных обстоятельствах, а младший, ненамного старше ее самой, исчез и так и не был найден. Очень многих людей, так или иначе связанных с Легужем, постигла печальная участь. И теперь, стоя перед этим человеком, Мистая с ужасающей уверенностью поняла, что это произошло не случайно.

– Отец ожидает моего возвращения, – с трудом произнесла Мистая, не смея поднять глаза на своего собеседника. – Мне нужно идти.

Тот улыбнулся, отпустив ее запястье:

– Разумеется, ступайте, ваше высочество. Желаю вам приятного дня, принцесса Мистая.

Легуж вернулся в карету, не удостоив девушку больше ни единым взглядом, и процессия двинулась дальше, застучали копыта, заскрипели колеса и упряжь.

Принцесса стояла на месте до тех пор, пока свита лорда не скрылась из вида, а затем направилась к замку. Она была в ярости.

* * *

Бен Холидей сидел за письменным столом, подписывая обычную кипу приказов для проекта, одобренного королевским правительством, – намечалось строительство нового моста через Костеломское ущелье в Мелькорских горах, когда в кабинет ворвалась Мистая, без стука распахнув дверь и с грохотом захлопнув ее за собой.

– Чего ради ты дал Лягушонку разрешение ухаживать за мной?! – завопила она, резко остановившись прямо перед столом. Ее щеки покраснелись от гнева, а руки девушка сердито уперла в бока.

Король моргнул:

– Я этого не делал.

– А он сказал, что едва ли не получил твое благословение! Я столкнулась с ним за воротами замка по дороге домой, и Лягушонок выложил мне свои далекоидущие планы о нашем браке. Он сказал, что просил твоего разрешения ухаживать за мной и ты охотно его дал!

– Нет, я всего лишь сказал, что подумаю об этом.

Губы девушки сжались в тонкую белую линию.

– Ах, ну, в таком случае все, разумеется, в полном порядке. По всей видимости. Действительно, и при чем тут я? Несомненно, это ты должен подумать о его предложении! Как еще ты можешь принять взвешенное и продуманное решение, которое устроит всех?!

– Мистая, я сказал это, чтобы выиграть время. Ты знаешь, каково иметь дело с мужчинами и женщинами, наделенными властью. Поспешные ответы – даже в тех случаях, когда ты убежден в их правильности, – не самое мудрое решение проблем. Не говоря уже о том, что меня его свадебные планы тоже изрядно удивили.

Его дочь нахмурилась:

– Я думаю, что ты совершил ошибку, отец. Очень серьезную ошибку. По-моему, нужно было сразу же заявить Лягушонку, что твоя дочь никогда не выйдет за него замуж и не сделает его самым счастливым человеком на земле, так что лучше было бы забыть об этих нелепых планах! Отложив принятие окончательного решения, ты только раззадорил Легужа! Теперь он свято уверен, что ты всерьез обдумываешь, стоит ли дать согласие на эту свадьбу. Да он чуть не уволок меня в свой замок прямо сегодня! Наш Лягушонок считает дело решенным!

Она наклонилась над столом. В ярко-зеленых глазах принцессы полыхало пламя гнева.

– Мне не нравится быть втянутой в ваши придворные интриги. Я не какой-то предмет обстановки, который можно с пафосом передать в руки первого, кто набрался наглости попросить! Мне плевать, что ты король Заземелья! Я тебе не ценность в торговой сделке! Если ты этого не понимаешь, то, возможно, не мешало бы быстренько вспомнить про эмансипацию женщин в XX веке! Вспомни, как эти вещи происходят в твоем собственном мире, в который ты, между прочим, отправил меня «узнать больше о жизни»! Что ж, этот урок я выучила в первую очередь. Юных девушек не отдают против воли замуж за богатых стариков!

– О чем ты говоришь?! – возмутился Бен, вскочив. Теперь он тоже здорово разозлился. – «За богатых стариков»?! Это ты о Легуже? Вообще-то он не настолько старше тебя! В любом случае это не имеет значения, поскольку у меня нет ни малейшего намерения отдавать тебя замуж, как ты выразилась, «против воли» – ни за него, ни за кого бы то ни было! Но люди вроде Легужа попросту не понимают, каким образом дела обстоят в моем мире, поэтому я не могу вываливать им на голову поток информации, не применив дипломатии.

Мистая шлепнула рукой по столу:

– Ты меня не слушаешь! Легуж думает, что ты уже согласился! Он намекнул на то, что с моей стороны было бы очень мудро привыкать к этой мысли, выполнять все его желания и не высказывать никаких возражений! Лягушонок угрожал мне, отец! Он предупредил, что

привык получать то, чего хочет, и что я буду его очередным удачным приобретением, нравится мне это или нет!

Услышав это, Бен расправил плечи:

– Угрожал тебе?

– Да, он мне угрожал! – Мистая тоже выпрямилась и скрестила руки на груди. – Я его боюсь. Пойми, он мне противен, и я не хочу больше его видеть. Я слышала, что рассказывают о его братьях. А теперь его жена и сын последовали за ними на тот свет, верно? И Легуж хочет, чтобы я вышла за него замуж?! – Мистая покачала головой. – Я хочу, чтобы он держался от меня как можно дальше. Он опасен, отец. Даже если бы не было этих лягушачьих глаз и языка как у ящерицы, этот тип все равно пугал бы меня.

Несколько долгих мгновений они молча смотрели друг на друга, а затем Бен кивнул:

– Я совершенно с тобой согласен. Я уже попросил Сапозжа попробовать выяснить как можно больше подробностей о смерти жены и ребенка Легужа. Думаю, к завтрашнему дню мы уже получим необходимые сведения.

Он поспешно поднял руку, призывая Мистаю к молчанию – король увидел, что в ее глазах снова разгорелся гнев.

– Но это ничего не изменит в том, что касается тебя, – быстро добавил он. – Я просто считаю, что нужно как можно больше разузнать об этой странной истории. Возможно, он наконец превзошел самого себя, перешел все границы, и тогда мы наконец сможем что-то предпринять.

– Так что насчет меня?! – не отступала девушка. – Ты скажешь ему, что он не может за мной ухаживать? Ты не дашь ему своего родительского благословения?

Бен глубоко вздохнул:

– Разумеется. Но есть кое-что еще, о чем я бы хотел с тобой побеседовать, и, думаю, это вполне можно сделать прямо сейчас. Советник, Абернети, я и твоя мать много думали о том, как именно тебе стоит получить дальнейшее образование. Мы поняли и приняли тот факт, что ты не хочешь возвращаться в Кэррингтон, поэтому не станем просить тебя об этом. Но при этом мы все придерживаемся мнения, что обучение здесь, в замке Чистейшее Серебро, не самый лучший выбор. Поэтому у нас появилась другая идея – возможно, она как раз и поможет самым лучшим образом разрешить возникшую проблему с Легужем и его нелепым предложением.

Мистая с подозрением посмотрела на отца:

– И в чем она заключается?

– Мы бы хотели, чтобы ты отправилась в Либирис в качестве посланника короля, для того чтобы реорганизовать библиотеку.

Девушка широко улыбнулась:

– Вот как, отец? Какая отвратительная мысль. Я туда не поеду.

– Подожди-ка чуть-чуть. – Бен поднял руку, предупреждая возможные возражения, которых дочь наверняка уже приготовила. Он не мог поверить собственным ушам. – То есть как это – ты не поедешь? Просто вот так? Ты ведь даже не выслушала, почему мы хотим этого! Почему ты отказываешься, даже не узнав де талей?

– Потому что, отец.

– «Потому что»? И что это должно значить? Почему «потому что»?

– Потому что, – с нажимом повторила принцесса. Она, нахмурившись, исподлобья смотрела на отца. – На секундочку поставь себя на мое место, если, конечно, это возможно. Как бы ты отнесся к перспективе быть сосланным в Либирис на неограниченный срок? Это же край света! Советник рассказал мне все об этом месте на наших уроках истории. Там нет ничего ценного, здание практически превратилось в руины! А теперь ты хочешь, чтобы я отправилась туда и все восстановила?! Я, пятнадцатилетняя девчонка, которую вышвырнули из частной школы?! Почему, интересно? Возможно, потому, что я прекрасно подготовлена к подобной

работе? Знаешь, мне так не кажется. Может, это просто предлог, чтобы убрать меня из замка. Кто знает, как ты поступишь с Легужем, стоит мне шагнуть за порог?

Бен внезапно ощутил, как в нем поднимается ярость.

– Значит, мое слово для тебя ничего не стоит, Мистая? Ты считаешь, что я могу с тем же успехом взять его назад?

Дочь гневно посмотрела на него:

– Честно говоря, я не знаю, что ты можешь сделать в этой ситуации. Пока нельзя сказать, чтобы ты проявил себя с лучшей стороны во всей этой лягушачьей истории. И я не хочу уезжать, лелея надежду, что ты поступишь правильно и меня по возвращении не будет ожидать приятный сюрприз в виде свадьбы!

– Я не собираюсь выдавать тебя замуж за Легужа!

– Ну, значит, свадьба состоится с кем-то другим, кто более тебе приятен! – Она фыркнула, надулась и наконец немного успокоилась. – К тому же Либирису уже ничем не помочь. Даже советник так говорит.

– Советник Тьюс отправится вместе с тобой. Можешь обсудить с ним все по дороге. В любом случае изначально это была его идея.

Мистая сделала шаг назад:

– Я тебе не верю.

– Когда-то эта библиотека была очень важной для королевства, – терпеливо пояснил Бен. – Ее построил один из моих предшественников, который прекрасно понимал всю ценность книг и грамотности. Однако эта затея потерпела крах вскоре после его смерти, поскольку остальные не прилагали ни малейших усилий для того, чтобы поддерживать библиотеку в хорошем состоянии. Но ты можешь все изменить. Это стоящий проект, Мистая. Если тебе удастся перестроить и снова открыть Либирис, мы сможем использовать библиотеку для того, чтобы давать простым людям образование. Что может быть важнее этого?

Но девушка упрямо покачала головой:

– Ты сам был там?

Бен поколебался, но все-таки ответил:

– Нет.

– Ты знаешь, что в тех книгах?

– Нет, но я...

– Или хотя бы можешь сказать наверняка, в каком состоянии они находятся? Может, бумага давно истлела и рассыпалась? Кто может поручиться, что библиотека не превратилась в огромное крысиное царство?

Бен не без усилий взял себя в руки.

– Если дела обстоят именно так, ты можешь сразу же возвращаться домой, идет? Если же нет, тебе придется остаться там.

Мистая пожала плечами:

– Я подумаю об этом. Возможно, после того, как я услышу, что ты советуешь Лягушонку убираться обратно в свое болото на любимую кувшинку, то дам согласие на этот проект. Но не раньше, чем это произойдет, – и не раньше, чем я успокоюсь.

Бен поднялся на ноги. С него достаточно.

– Тебе пятнадцать лет, и ты еще не получила права самостоятельно решать, что ты будешь делать и чего не будешь! Мы с матерью принимаем решения во многом, что касается тебя, и это один из тех случаев. Твое обучение продолжится в Либирисе. У тебя есть два дня на то, чтобы собрать свои вещи и подготовиться к отъезду. После этого отправишься в путь. Тебе все ясно?

– Мне ясно только одно – ты пойдешь на все, лишь бы убрать меня подальше отсюда, где я могу помешать твоим планам. Ты ведь можешь выдать меня замуж за какого-нибудь омерзительного типа. Вот это мне ясно! – подбоченилась она и издевательски добавила: – Отец.

Внезапно открылась дверь, и Ивица шагнула в комнату, пристально посмотрев на них обоих.

– Почему так тихо? – спокойно поинтересовалась она. – Вас еще в Вечной Зелени, наверное, не все слышали. Вы не могли бы продолжать этот разговор в более спокойной манере?

– Этот разговор закончен! – отрезала Мистая.

– Думаю, тебе пора немного повзрослеть и посмотреть на жизнь здраво... – начал было Бен, но девушка бросилась вон из комнаты, не дождавшись окончания этой тирады, и изо всех сил хлопнула дверью. Король с беспокойством посмотрел вслед дочери и медленно опустился в свое кресло.

«Да, кажется, наша беседа прошла не слишком удачно», – подумал он.

Ивица подошла ближе и села на стул с другой стороны письменного стола. Ее взгляд словно пригвоздил мужа к месту.

– Не говори ничего, – сразу же попросил он.

– Я думаю, ты мог бы справиться гораздо лучше, – все-таки произнесла сильфида.

– Тебя здесь не было. Ты не слышала, что и как она говорила.

– Мне и не нужно быть здесь и слышать ее слова. Вполне достаточно знать, что вы оба продолжали разговор гораздо дольше после того, как следовало остановиться и подумать. Но ты виноват больше. В конце концов, ты ее отец, и ты старше. Бен, нужно понять, что заставлять Мистая сделать что-либо – и, еще хуже, говорить ей, что она обязана с тобой согласиться, – это большая ошибка.

– Ей всего пятнадцать лет.

– Ей пятнадцать лет лишь в некоторых аспектах. В других она гораздо старше. Пойми, Бен, нельзя считать ее обычной девчонкой, с которыми тебе доводилось иметь дело в своем мире. С ней гораздо сложнее.

Разумеется, Ивица была права, хотя королю совершенно не хотелось это признавать. Его вовлекли в спор, который он был обречен проиграть с самого начала. Но это ничуть не меняло того, что некоторые вещи, по его глубокому убеждению, были правильными и необходимыми.

– Я знаю, что мог бы обойтись с ней гораздо лучше, – наконец согласился Бен. – Знаю, что теряю терпение и срываюсь, хотя не должен делать этого. Мистая прекрасно понимает, как можно быстрее всего вывести меня из себя, и я каждый раз позволяю ей добиться своего. – Он помолчал немного. – Но это ничего не меняет. Она поедет в Либирис с советником послезавтра. Я так решил, Ивица.

Его жена кивнула:

– Я понимаю это и знаю, что ей будет полезно съездить туда. Я только не уверена, что Мистая относится к нашей затее так же.

– Ее мнение не имеет никакого значения. Мистая отправится в путь, хочет она того или нет.

Бену самому не понравилось, как прозвучало это заявление, стоило только договорить предложение до конца. В будущем у него еще не раз появится повод вспомнить о своих словах.

Глава 7

ПОБЕГ

Мистая решительно шла по коридорам замка в свои покои, ни на кого не обращая внимания и ни с кем не разговаривая – даже с советником Тьюсом, попытавшимся что-то спросить у принцессы и сбитым с толку ее неожиданной реакцией. Добравшись до своей комнаты и заперев дверь, девушка без сил опустилась на кровать и принялась размышлять над неожиданно нахлынувшими проблемами, виновницей которых на сей раз была не она. За окном стояла ясная, солнечная погода, но в сердце Мистаи царили мрак и отчаяние.

Как только ее отец мог быть таким бесчувственным?

Достаточно и того, что принцесса Заземелья вернулась домой не в самый лучший момент своей жизни – ее исключили из престижной частной школы. Когда Мистаю отправляли в Кэррингтон, на девочку возлагались огромные надежды, будущее выглядело как чистый лист бумаги. Проблема заключалась в том, что Мистая не имела ни малейшего представления о том, что на нем нужно написать. Но, словно этого мало, почти сразу же по приезде на принцессу обрушилось свадебное предложение, которое ей даром было не нужно, не говоря уже о том, что мужем собирался стать человек, которого она ненавидела всей душой. Сама идея свадьбы с Лягушонком была настолько абсурдна, что лорду Риндвейра нужно было отказать сразу же, однако отец Мистаи почему-то рассудил по-другому. Но хуже всего было то, что теперь принцессу ожидало несколько месяцев изгнания в том месте, которое не захочет посетить ни при каких обстоятельствах ни один человек в здравом уме. В пустых и мрачных зданиях древней библиотеки, давно обрушившихся и развалившихся, под толстым слоем пыли и всевозможного мусора хранились древние, ветхие книги, к которым уже много десятилетий никто не прикасался.

По крайней мере, таким Либирис представляла себе Мистая, сидя перед зеркалом и глядя на свое лицо с убитым выражением. Она печально размышляла о том, что ни одно живое существо не заслуживает подобных мучений.

Очень скоро девушке надоело жалеть себя, и она отвернулась от зеркала. Мистая подошла к окну и, быстро окинув взглядом окрестный пейзаж, открыла ставни и вдохнула несравненный аромат, исходящий от Лазурных Друзей и перечных кедров. Она очень любила свой дом и все, что с ним было связано. Наверное, больше всего в сложившейся ситуации принцессу расстраивал тот факт, что скоро ей снова придется покинуть Чистейшее Серебро. Конечно, с одной стороны, Либирис тоже был ее домом, поскольку находился в Заземелье, но нельзя же равнять все части волшебного королевства! Достаточно вспомнить восточные пустоши или Огненные Ключи – назвать эти районы милыми, жизнерадостными и привлекательными можно только с очень большой натяжкой. А Либирис был еще хуже.

По крайней мере, именно в этом ее убедил советник.

Мистая задумалась о своем друге и наставнике и поняла, что не может поверить, будто идея отправить ее заниматься королевской библиотекой принадлежала именно ему. Но отец не стал бы обманывать дочь в подобных вопросах – слишком легко было бы уличить его во лжи, кроме того, Бен Холидей был кристально честным человеком. Разумеется, он тоже был не идеален, но еще ни разу никто не обвинил властителя Заземелья в обмане.

Девушка задумчиво постучала пальцами по подоконнику. Не было никакого смысла продолжать сидеть в этой комнате и лить слезы о своей печальной судьбе. Если она хотела хоть как-то повлиять на ситуацию, нужно было что-то предпринять.

Первым порывом было пойти поговорить со своей матерью. Ивица с большим пониманием относилась к проблемам дочери, всегда могла поддержать ее и дать совет. Но едва ли она

будет перечить отцу девушки, своему мужу, в этом вопросе. Скорее всего, сильфида предложит дочери попытать счастья в Либирисе. Тьюс и Абернети уже высказали Бену свое мнение по этому вопросу, и было бессмысленно идти просить у них совета.

Мистая тяжело вздохнула. Как же это все *несправедливо*.

Ей очень сильно захотелось расплакаться, и девушка едва не уступила этому внезапному порыву. Но слезы – выбор лишь для детей и трусов, поэтому Мистая решила держать себя в руках, чего бы ей это ни стоило. Она собрала всю свою волю в кулак, напомнив себе, что подростковые слезы хороши лишь в гламурных розовых журналах да любовных романах, с которыми девушка познакомилась в мире своего отца. В Заземелье подобному места не было.

Хорошо, у матери и у друзей просить поддержки бесполезно. Если принцесса и найдет хоть какую-нибудь помощь, она будет исходить явно не от них.

Почти сразу же девушка вспомнила о своем деде – Хозяине Рек. Он был правителем всех волшебных существ, которые некогда покинули Туманы фей, окружавшие Заземелье, и пришли в мир людей. Они обосновались в Озерном Крае, находившемся к югу от Чистейшего Серебра, а их главным оплотом стала Вечная Зелень. Мистая могла отправиться к своему деду, и он сможет дать ей убежище, а если девушке повезет, то еще и ничего не расскажет родителям... по крайней мере, не сразу. Ивица была дочерью Хозяина Рек, но между ними никогда не существовало крепкой связи. Мать сильфиды – лесная нимфа, которую повелитель Вечной Зелени так и не смог ни приручить, ни обуздать; дикое создание, воплощение самой природы, которая так и не согласилась остепениться и выйти замуж за отца Ивицы. Дочь была для Хозяина Рек живым напоминанием о своей страстной, но, увы, недолгой любви, и тому не хотелось лишний раз беречь эту рану. Бен же нравился ему и того меньше – как еще он мог относиться к пришельцу из другого мира, который стал королем благодаря череде случайностей и абсолютно не заслуживал этого титула? Дедушка Мистаи терпел ее отца... но не более.

Часть этой истории Мистая узнала, пока училась у советника Тьюса и Абернети, остальное она выяснила сама, наблюдая и размышляя. Принцесса никогда не разделяла взглядов своего деда, но теперь ей пришлось в голову, что они могут быть выгодны. Потому что, даже несмотря на отношение Хозяина Рек к родителям Мистаи, свою внучку он любил всем сердцем.

Разумеется, еще оставалась вероятность, что Властитель Озерного Края будет зол на девушку за то, что она не навещала его уже больше года. В этом случае от Мистаи потребуется несколько больше усилий, возможно, придется даже чем-то умастить деда... Принцесса на мгновение задумалась, а потом философски пожала плечами. Надо так надо. Она должна найти способ вновь обрести доверие Хозяина Рек, чего бы ей это ни стоило. Значит, решила Мистая, единственный выход, который у нее остался, – отправиться в Вечную Зелень.

Мистая скрестила руки на груди и кивнула. Да, решено: она пойдет к своему деду. При чем сделает это немедленно. Не следует ждать неизбежного, надеясь на чудо. Она отправится в путь сегодня же ночью.

Девушка решила собрать свои вещи заранее и под покровом темноты, пока все будут спать, выбраться из замка. Это, скорее всего, будет очень непросто. Чистейшее Серебро хорошо охраняли, а слугам короля было приказано не спускать с Мистаи глаз. Девушке было на руку, что Сапожок сегодня следил за Лягушонком, но не следует недооценивать остальных. Если принцесса попытается выйти из замка, неся с собой чемодан или рюкзак, разумеется, это не останется незамеченным – кто-нибудь обязательно доложит королю, и принцессу поймут на полпути к Вечной Зелени. Еще больше Мистаю волновал тот факт, что у ее отца были другие способы определить местонахождение своей дочери, даже когда она не говорила, где находится. Стоит королю узнать, что его дочь пропала, он непременно обратится к Землеvidению или к другому магическому приспособлению, чтобы выследить Мистаю. Тогда он сразу же направится в Озерный Край и заберет свою дочь. Ей придется найти способ помешать королю.

Девушка раздраженно нахмурилась. В его старом мире такое было бы невозможно, и человека могли выследить с помощью технологий, но никак не магии. Однако Мистая не собиралась сейчас возвращаться туда, откуда только недавно сбежала.

Ведь так?

Нет, разумеется, нет, Мистая с жаром отмела это предположение. Какой смысл направляться в место, где она чувствовала себя такой несчастной? Но в этот миг перед принцессой открылась еще одна возможность. Она может пройти из Заземелья в любой другой мир – точно так же, как это делали феи из царства Туманов и дракон Страбон, обитавший в самом сердце Огненных Ключей. Мистая обладала этой магией. Как только она окажется за границами Заземелья, отец ни за что не сумеет разыскать ее. Это была очень интересная идея, и принцесса всерьез над ней размышляла, оценивая все возможные варианты развития событий. Но в конце концов от этого варианта пришлось отказаться. Мистая не собиралась покидать Заземелье. Она вернулась сюда для того, чтобы остаться здесь, в своем мире, – но только не в Либирисе.

Принцесса вновь подошла к окну и всей грудью вдохнула терпкий аромат, а затем тяжело опустилась на кровать и легла, глядя в потолок, размышляя над деталями своего побега. К сожалению, планирование никогда не было ее сильной стороной. Мистая всегда принимала решения, основываясь почти исключительно на своих инстинктах – что было неудивительно для дочери трех миров. Поэтому девушка решила, что не стоит сейчас заглядывать далеко вперед, это скорее только навредит. Принцесса по-прежнему размышляла о том, как незаметно выбраться из дворца, когда в дверь постучал кто-то из слуг и оповестил Мистаю о том, что к ней пришел посетитель – кыш-гном. В голосе слуги звучало почти нескрываемое презрение к подобному гостю.

Но в сознании девушки сразу же возник ответ на терзавший ее вопрос.

Не мешкая ни секунды, она вскочила с кровати и кинулась к Пьянчужке, который неуверенно мялся у главных ворот замка. Кыш-гном стоял, сцепив узловатые руки, а его глаза, казалось, собирались ухватить и запечатлеть в сознании образ места, где он оказался. В позе коротышки легко читалось ожидание того, что его выкинут отсюда прямо сейчас.

– Пьянчужка! – закричала Мистая настолько громко и радостно, что коротышка едва не упал на колени от испуга.

Девушка добежала до ворот и сжала кыш-гнома в объятиях, словно старого друга.

– Так, значит, ты *слышал* меня, когда я пригласила тебя в замок!

Он напрягся и неохотно отвесил Мистае поклон:

– Разумеется, я слышал! Я решил поймать тебя на слове и посмотреть, чего оно будет стоить!

– Что ж, теперь ты это знаешь.

Принцесса улыбнулась, взяла кыш-гнома за руку и повела за собой.

– Пойдем, я покажу тебе замок! Только не пытайся ничего украсть, хорошо?

Кыш-гном пробормотал в ответ что-то утвердительное, и следующий час принцесса и гном бродили по коридорам Чистейшего Серебра, по очереди заглядывая во все комнаты (кроме тех, что принадлежали родителям Мистае). Девушка рассказывала Пьянчужке о том, как и чем живет замок. Лишь один раз она заметила, что тот пытается что-то стащить, но, поскольку это была всего лишь маленькая некрасивая серебряная ваза, принцесса решила ее просто подарить. Постепенно кыш-гном расслабился и начал вести себя так, словно замок был ему родным домом, а принцесса – подругой детства.

Когда их экскурсия подошла к концу, перед Мистаей вновь в полный рост встал вопрос побега. Неожиданно ей в голову пришла замечательная идея.

– Пьянчужка, я могу попросить тебя об одном одолжении? – спросила она кыш-гнома.

– Какого рода одолжение? – подозрительно напрягся он.

– Ничего сложного или опасного, – заверила его Мистая. – Я просто хочу отдать тебе кое-какие вещи, чтобы ты хранил их у себя, пока они мне не понадобятся. Ты мне pomoжешь?

Гном нахмурился:

– А зачем тебе отдавать мне свои вещи? И почему мне нужно их хранить?

Ответ, казалось, сам пришел в голову Мистае. Она наклонилась и принялась шептать Пьянчужке на ухо:

– Хорошо, я расскажу тебе, в чем тут дело. Но только пообещай, что никому не расскажешь. – Принцесса дождалась кивка, а потом продолжила: – У меня есть много вещей, которые мне подарили родители, но я хочу раздать их тем, кто в них нуждается больше. Но если мои папа с мамой увидят, как я их выношу из дома, они очень расстроятся.

Кыш-гном несколько мгновений пытался осознать смысл этой фразы, его лицо, и без того напоминавшее морду хорька и обезьяны, еще больше скривилось, и в конце концов Пьянчужка произнес:

– О, ну ладно. Я могу их поддержать у себя, если ты хочешь. – Вдруг гном замер и взглянул на свою собеседницу. – Подожди. А как долго твои вещи останутся у меня? Знаешь, у меня вообще-то нет места, где я бы мог их спрятать.

Девушка кивнула:

– Тебе нужно будет подождать всего лишь до полуночи. Когда стемнеет, я выйду из замка, мы с тобой встретимся, и заберу свой мешок с вещами. Тебя все устраивает?

Одного взгляда на Пьянчужку было достаточно, чтобы понять – далеко не все. Одно дело, когда есть возможность что-то взять или украсть, и совсем другое, когда речь заходила о чем-то менее понятном, – тут же начинались сложности. По всей видимости, Пьянчужка раздумывал, чем ему может грозить помощь Мистае. Ведь забрать с собой вещи принцессы Заземелья (возможно, ценные), даже если это ее идея, – рискованный поступок.

– Пьянчужка, – произнесла девушка, взяв гнома за руки. – Ты не попадешь из-за меня в неприятности, обещаю. На самом деле я буду твоей должницей.

Коротышке определенно понравилась такая постановка вопроса, и он криво ухмыльнулся:

– Хорошо, договорились, принцесса. Где эти вещи?

Она отвела кыш-гнома в свою спальню и попросила немного подождать, а сама зашла в гардеробную и принялась запаковывать дорожные вещи в небольшой мешок, который будет удобно нести, перекинув через плечо. Получилось немного, но этого хватит, чтобы без проблем добраться пешком до Озерного Края. Помимо одежды, Мистая положила в сумку компас, волшебную карту-кольцо (просто незаменимую вещь для ночных путешествий), маленький камень фей (подарок для Хозяина Рек) и книгу волшебных заклинаний, которую принцессе подарил советник Тьюс, перед тем как она отправилась в Кэррингтон. Девушка совсем недавно вернулась к ее изучению. Новые заклинания могут оказаться нелишними в будущем, а поскольку книга небольшого размера, ее было очень удобно всегда держать при себе. Затем Мистая завернула сумку в старую простыню, старательно завязала углы в узел, чтобы скрыть содержимое от любопытных глаз, и отнесла получившийся куль кыш-гному.

– Давай встретимся сегодня ночью у роицы Лазурных Друзей, – тихо предложила девушка Пьянчужке, когда они шли к главным воротам замка. Все встречные провожали их очень любопытными взглядами, но принцесса не обращала на них ни малейшего внимания, так что никто не рискнул задавать какие-либо вопросы. – Только не забудь прийти туда, пожалуйста.

Мистая довела кыш-гнома до ворот, после чего вернулась в свою комнату – дожидаться наступления темноты.

Становилось все интересней и интересней.

* * *

Мистая великолепно сыграла свою роль за ужином: она притворилась, что готова подумать над идеей отправиться в Либирис (*размечтались!*) и даже поверить отцу на слово, будто больше не будет никаких разговоров с озабоченным брачными проблемами Легужем. Хотя в последнем принцесса и так была почти уверена. Но ей было пятнадцать лет, а в таком возрасте никто не доверяет словам родителей безоговорочно и без каких-либо гарантий. И дело даже не в том, что ее отец и мать были настолько ненадежными людьми – разве что иногда, – а в том, что у них была дурная привычка забывать о своих обещаниях или представлять их в совершенно ином виде. И каждый раз, когда такое происходило, крайней оказывалась она, Мистая. Поразмыслив над тем, каковы ее перспективы в этой области, Мистая решила не рисковать.

Однако она продолжала говорить, смеяться и улыбаться – одним словом, вести себя так, как хотелось королю и королеве. Принцесса не позволила волнению взять верх и прекрасно справилась со спектаклем. Мистая очень любила своих родителей и знала, что, в конце концов, они хотят для нее только добра. В большинстве случаев им удавалось попасть в яблочко. Но на сей раз придется искать обходной маршрут.

Когда ужин закончился, Мистая сразу же направилась к себе в комнату, отговорившись тем, что хотела бы почтить перед сном. Добравшись до спальни, принцесса принялась ждать, когда замок затихнет и ее родители тоже пойдут спать. Перед тем как лечь, они всегда заглядывали в комнату дочери, поэтому Мистая даже не пыталась уйти раньше их ежевечернего визита. Однако потом для девушки открывалась полная свобода действий – недаром она подлила родителям в эль слабого сонного зелья. Возможно, они даже решат отправиться в спальню намного раньше обычного. Мистая терпеливо сидела на кровати и ждала, пока, наконец, не раздался стук в дверь ее комнаты.

– Мистая?

– Да, мама?

– Мы с отцом уже ложимся спать. Но утром мы с тобой обязательно обо всем поговорим. Пойми, пожалуйста, отец желает тебе только добра, но он очень несдержан и иногда в общении с тобой перегибает палку. Не обижайся на него. Приятных снов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.